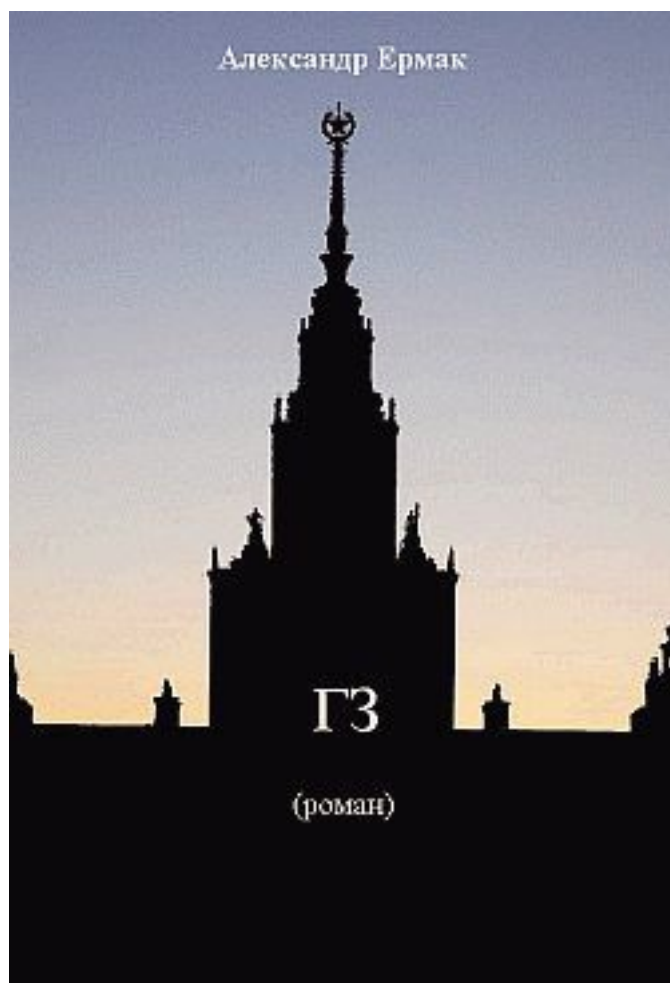

Александр Ермак

ГЗ

(роман)

Александр Ермак

«ГЗ»

«Автор»

Ермак А.

«ГЗ» / А. Ермак — «Автор»,

В 2007 году в главном вузе страны – МГУ происходит ряд необъяснимых взрывов, пожаров и смертей. Журналист ведущей газеты пытается разобраться в причинах происшествий в Университете. В его поле зрения оказываются террористы, обиженные студенты, масоны, последователи каббалы и еще – «Черный аспирант». Журналист вынужденно погружается в научный мир, проводит дни и ночи в засадах, плутает по лабиринтам загадочного Главного Здания Университета и однажды выходит на след...

© Ермак А.

© Автор

Содержание

Взрывы и пожары на Воробьевых горах	5
Охота на черного аспиранта	15
Масоны	29
Охота продолжается	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Ермак

ГЗ

(роман)

Автор выражает признательность всем небезучастным к судьбе Университета людям, чьими трудами он пользовался при написании этой книги.

Взрывы и пожары на Воробьевых горах

Шампанско и фейерверкно отметились Новый 2007 год. Прошло сдержанно хмельное Рождество. Вновь потянулись рабочие будни...

Утром 15 января я, как обычно, читал сводку происшествий за прошедшие сутки. Работа журналиста, специализирующегося на расследованиях, требует быть в курсе всех криминальных и околокриминальных событий: кражи, грабежи, бытовые и заказные убийства, рейдерские захваты... Каждый день десятки происшествий. Мой взгляд быстро перескакивал с одного сообщения на другое – все практически то же самое, что и вчера:

«Мужчина во время пьяной ссоры нанес несколько ножевых ранений своей сожительнице...»

«Угнан автомобиль „Ауди“...»

«Драка в ночном клубе...»

«Задержана группа гастербайтеров, не имеющих разрешительных документов на работу...»

«Проститутка обворовала своего клиента...»

«Обнаружен подпольный склад алкогольной продукции, на которой отсутствуют акцизные марки...»

«Захвачена крупная партия наркотиков...»

И вот несколько выбивающееся из общего ряда:

«14 января 2007 года на кухне общежития МГУ им. Ломоносова на улице Шверника произошел взрыв. Ранения получил второкурсник биологического факультета, который был доставлен в больницу.

По данным следствия, сработало изготовленное студентом устройство мощностью около 50 г в тротиловом эквиваленте. Согласно одной из версий, взрыв произошел по неосторожности...»

Не самое, конечно, распространенное явление, но не такое уж и необычное. Мальчишкам свойственно мастерить взрывающиеся игрушки, и сообщения о самоподрывах не такая уж большая редкость. Но. Что-то о взрывах в Московском университете мне попадалось. И не так давно. Может быть, пару месяцев назад. Я заглянул в архив. Так и есть:

«25 ноября 2006 года около 5:00 на третьем этаже главного здания МГУ произошел взрыв, в результате которого на лестничном пролете между 14-ым

и 15-ым этажами произошло обрушение стены на площади 3 кв. м. Также были выбиты стекла с 10-го по 14-й этажи. Пострадавших в результате взрыва нет.

Версия взрыва бытового газа не подтвердилась. Эксперты-криминалисты считают, что, скорее всего, в здании было приведено в действие самодельное взрывное устройство мощностью 50 граммов в тротиловом эквиваленте.

В ходе дальнейшей проверки здания на 9 этаже было обнаружено второе самодельное взрывное устройство, по предварительным данным, идентичное первому. Оно было обезврежено прибывшими взрывотехниками.

По факту первого взрыва прокуратура Западного административного округа города возбудила уголовное дело по части первой статьи 213 УК РФ («хулиганство»). Следователи, которые занимаются делом о взрыве в главном здании МГУ, считают, что злоумышленники планировали устроить пожар. Сразу после взрыва на девятом этаже специалисты обнаружили второе устройство, рядом с которым стояла канистра с легко воспламеняющейся жидкостью. Как выяснили эксперты, если бы устройство сработало, то в общежитии начался бы пожар...»

Два взрыва за два месяца в одном и том же заведении. Случайность? Я снова полез в архив. Сделал подборку всех происшествий в МГУ за последние три года. Так, порядком имеется мелочевки, типа кражи мобильного телефона в студенческой столовой. Но вот, из крупного:

«5 марта 2005 года в собственной квартире по адресу... было обнаружено тело профессора МГУ... Смерть ученого наступила в результате множественных ножевых ранений... По предварительным данным, из квартиры профессора ничего не похищено... Обстоятельства происшествия выясняются. Пока следствие не выдвигает однозначной версии произошедшего...»

5 марта 2005 года... Это было достаточно давно и к взрывам, как мне кажется, никакого отношения не имеет. А вот следующая информация вполне:

«21 апреля 2006 года в здании общежития, входящем в комплекс главного здания МГУ, произошел пожар. В 5:02 сработала пожарная сигнализация в зоне „В“. На место немедленно прибыл наряд пожарной части и наряд милиции местного отделения. Тушение велось при помощи пожарных гидрантов на этажах. Из здания МГУ были эвакуированы, по различным данным, от 600 до 1500 человек. К 06:35 возгорание удалось локализовать, а к 07:00 полностью ликвидировать.

Очаг возгорания составил 250 квадратных метров и находился на 12-м этаже, где живут студенты химического и физического факультетов университета. В результате пожара погибли юноша и девушка – студенты МГУ, еще четыре человека были госпитализированы. Занятия в МГУ начались без задержек, и никаких изменений в расписание не вносилось.

Прокуратура Западного административного округа Москвы возбудила уголовное дело по статье 219 УК РФ (нарушение правил пожарной безопасности, повлекшей смерть двух и более лиц). МЧС не исключает версию поджога, устроенного в Главном здании МГУ, так как предварительный осмотр места происшествия выявил два очага возгорания...»

Два погибших человека... Версия о поджоге... И еще: этот пожар произошел всего за полгода до первого взрыва в МГУ...

Смотрю сводку происшествий по университету дальше:

«17 мая 2006 года в Юго-Восточном округе Москвы был обнаружен труп 18-летней студентки МГУ... Было установлено, что девушку изнасиловали и задушили ремнем от ее же сумочки.

Как оказалось, 26-летний уроженец одной из южных республик не тронул в сумочке деньги, но забрал мобильный телефон. По нему и было определено местонахождение насильника и убийцы. На данный момент преступник признался, что познакомился со студенткой в городском автобусе. Первокурсница МГУ приняла его предложение прогуляться: они пили пиво, сидели на безлюдной Кожуховской набережной. Когда же преступник сделал интимное предложение, девушка ему отказала. Тогда он ее изнасиловал и задушил. Возбуждено уголовное дело по статье 105 УК РФ (умышленное убийство)...

Дальше:

«7 октября 2006 года два молодых человека прыгнули с парашютами из окна библиотеки находящейся на 21-м этаже Главного здания МГУ. В момент прыжка в зале не было читателей, присутствовал лишь перепуганный библиотекарь.

Высота, с которой прыгнули молодые люди – примерно 70 метров. Руководство МГУ пребывает в шоке. Очевидно, что будут усилены меры безопасности, контроль за входящими в здание университета...

Дальше:

«25 октября 2006 года на пороге одного из общежитий МГУ было обнаружено расчлененное тело молодого человека в фирменной футболке университета. Позже в одном из мусорных контейнеров общежития были найдены оставшиеся части тела. Московские милиционеры установили личность погибшего – им оказался студент МГУ...

По версии следствия, студента убил и расчленил 20-летний сосед по комнате. В ходе проведения оперативных мероприятий было установлено, что юноша, похожий по приметам на разыскиваемого, проживает в одной из гостиниц Архангельска. В короткие сроки была подготовлена и проведена операция по его задержанию.

По словам задержанного, мотивом убийства стала ссора из-за девушки. От полученных многочисленных ножевых ранений студент скончался, а подозреваемый, желая скрыть следы преступления, расчленил тело, вынес его в мусорный контейнер и в шоке отправился на вокзал, где сел на первый попавшийся поезд. Состав привез его в Архангельск...

Дальше:

«18 декабря 2006 года в своей собственной квартире научный сотрудник МГУ... покончил жизнь самоубийством.

Перед тем, как застрелиться, ученый оставил предсмертную записку родственникам. В ней, по некоторым данным, он попросил прощения у родных и объяснил причину самоубийства...

Ну, вот из крупных происшествий и все. Собранные вместе, эти случаи могут ужаснуть обывателя, но для человека, имеющего отношение к делам криминальным, это достаточно обыденная картина происходящего в городе или в отдельной очень большой организации. А МГУ

– это практически город, в котором «живет» семьдесят пять тысяч человек. Люди все разные, и всякое случается: и драки, и убийства, и самоубийства... Но три взрыва за один год? И страшный пожар? Случайность? Конечно, может быть. Год на год ведь не приходится...

Я закрыл архив и вернулся к своим текущим делам. О происшествиях в МГУ вспомнил только 25 января, в Татьянин день. Этот студенческий праздник прошел, судя по сводке, спокойно. Без происшествий. Но:

«В ночь на 26 января в общежитии главного здания МГУ на Воробьевых горах прогремел взрыв. Прибывшие на место спасатели установили, что взрыв произошел между 15-м и 16-м этажом. В результате взрыва обрушилась часть стены, вылетели стекла на пяти этажах. Пострадавших нет.

Предположительно в университете сработало безоболочное взрывное устройство мощностью до 500 г в тротиловом эквиваленте. Оно было заложено на подоконнике на лестнице между 15-м и 16-м этажами. Скорее всего, взрыв носил демонстрационный характер, т. к. взрывная волна была направлена в стену и не могла повлечь человеческих жертв.

Милиция возбудила уголовное дело по статьям УК РФ „Хулиганство” и „Незаконный оборот оружия и взрывчатых веществ”. Среди подозреваемых – студенты МГУ, накануне бурно отмечавшие Татьянин день, и, возможно, решившие устроить фейерверк, мощность которого не рассчитали.

Милиция проверяет также связь между сегодняшним взрывом и предыдущими в общежитиях в главном корпусе МГУ и на улице Шверника. По словам представителей ГУВД столицы, сегодняшний взрыв был схож по исполнению со взрывом в этом же здании в ноябре 2006 года».

Я перечитал сообщение, а строчку «милиция проверяет также связь между сегодняшним взрывом и предыдущими» дважды. Да, здесь что-то есть. Это очень непохоже на случайность. Я пошел к главному редактору:

– В МГУ за последнее время произошло несколько взрывов.

Главный кивнул:

– Да, я тоже читаю сводки.

– Не нравится мне все это...

– Никому не нравится. И что?

– Так, может, мне заняться этим?

Главный пристально посмотрел на меня:

– А тебе больше заняться нечем?

– Ну...

– Ты материал по лопнувшему банку сдал?

– Нет, но...

– А по самозахвату земель в водоохранной зоне Истринского водохранилища?

– Нет, но...

Главный развел руками:

– Вот видишь, на нет и суда нет...

Я, однако, не сдавался:

– Послушай...

– И слушать не буду.

– Будешь. Я ведь эти расследования практически закончил. Осталось хвосты подчистить кое-какие, ну и отписаться, конечно...

Главный поморщился:

– Ну, какое тебе дело до МГУ. Ты у нас чем занимаешься?

– Расследованиями экономических преступлений.

– Правильно. Алюминиевая сфера, фармацевтика, отмывание денег... А о студентах вон пусть отдел образования и социальной жизни печется.

Тут я заметил:

– Они же взрывами и пожарами заниматься не станут. И в пекло, если потребуется, не полезут.

– Ну, не полезут, – согласился главный, – не их это дело.

– Значит, мое.

– Ладно, – вздохнул главный, – но только...

– В свободное от работы время, – дружно выдохнули мы оба. Подобная ситуация возникла уже не впервые, и мы с главным всегда прекрасно понимали друг друга.

«В свободное от работы время». Когда это? Профессиональная журналистика не знает выходных, праздников, отпусков, нормированного рабочего дня. Каждый день, пока ты не уснул, ты на работе. Мотаешься по командировкам, бегаешь по конторам, пьешь пиво с источниками информации. Собираешь факты, ломаешь голову и пишешь, пишешь, пишешь. Иногда даже во сне.

В свободное от работы время люди ходят на свидания и в театр, женятся, рожают, ездят на отдых за город и за границу. А ты все время цепляешься взглядом за людей, за машины, за здания – нет ли за ними истории, о которой стоит написать. Ты замечаешь многое из того, что не видят другие. И не замечаешь то, что очевидно другим – у тебя ни кола, ни двора, ни семьи, да даже и жены-то нет. Подруги приходят и уходят, так и не обнаружив свободного для себя от работы времени.

Но это все вздохи и ахи. Да, свободного времени нет и не будет, но университетом я займусь. По крайней мере, для начала соберу немного дополнительной информации, а дальше посмотрим. Может быть, овчинка и не стоит выделки – вытащишь пустышку. А может быть, сделаешь сенсационный материал. С одной стороны, эта академическая среда – скука несусветная. Но с другой, это ведь студенты, которые черт знает что могут натворить по молодости, от избытка чувств и сил. В общем, нужно разбираться.

Первым делом я перетряхнул интернет, сунул нос во все, связанное с главным зданием МГУ. И неожиданно наткнулся на форум, где студенты обсуждали недавние взрывы и пожары. Страсти, понятно, кипели. Но меня интересовали не эмоции, а версии, объяснявшие произошедшее. Они здесь имелись:

«Может, это просто чья-то дурацкая шутка? Руки бы козлам поотрывать.

Два ни в чем неповинных человека погибло...»

Может быть, и дурацкая шутка. Но уж как-то больно она затянулась. После неудачной шутки люди обычно стараются уйти в сторону, хотят, чтобы об имевшем место быть побыстрее забыли. А тут один взрыв, второй. Если, конечно, они между собой связаны...

«Руководство сообщает, что принимаются какие-то противопожарные меры, учения проводятся, сигнализации, огнетушители покупаются. Деньги на это выделяются... Угадайте, кому они идут?»

Конечно, во всех организациях возможно отмывание бюджетных денег. Но уж как-то слишком кощунственно. Едва ли такие уж большие деньги можно заработать на закупках противопожарного оборудования, чтобы из-за них убить двух человек и поставить под угрозу жизни сотен других. Хотя, конечно, всякое бывает...

«В МГУ работают два десятка охранных предприятий. Это просто передел подрядов, подстава конкурентов...»

Такие случаи не так уж редки. Одно охранное предприятие, чтобы доказать, что конкуренты работают хуже их, сами устраивают в чужой зоне ответственности какие-либо беспорядки. Таким образом, соперничающие компании вышибаются с рынка. Версия вполне рабочая...

«Президент Путин хочет поменять ректора МГУ на замректора СПбГУ или еще кого-то (не помню, но из Питера кто-то). Кто-то же должен нести ответственность за эти взрывы и пожары. Хороший повод сменить „несправившегося со своими обязанностями ректора” на своего карманного...»

Любопытная версия. Особенно, если исходить из того, что сегодня у руля высшей власти действительно стоит питерская команда. Вместе с тем, ректор даже такого вуза, как МГУ, это все-таки не самая ключевая должность в государстве. Или, может, нынешний ректор стоит у кого-то на дороге? В стране идет реформа образования. Вместо привычной пятилетки вводятся бакалавриат и магистратура. Вместо обычных экзаменов – Единый Государственный Экзамен. А ректор и МГУ всячески сопротивляются введению этого ЕГЭ, не позволяющего рассмотреть в толпе талантливого человека. Ректор сопротивляется чьей-то реформе? Мешает кому-то? Может быть...

«Это просто какой-то придурок, который не сдал экзамены или которого выперли из универа, решил так отомстить...»

Тоже не исключено. Придурков всегда и везде хватало.

«Это дело рук пиромана...»

И это возможно. Есть больные люди. Никуда от них не деться. И они порой попадают в МГУ, так же как и придурки, и нерасчетливые шутники...

«Кто-то тренируется перед подготовкой больших акций...»

Да, это тоже более чем жизненная версия. Во времена повсеместных терактов какой-нибудь злоумышленник мог вполне таким образом потренироваться на студентах...

«Говорят, что кто-то слышал, будто бы двое между собой говорили: „Ну что, устроим здесь Сорбонну”. Вот и устроили...»

Слухи всегда сопровождают большие события. Но. Пожар в МГУ произошел 21 апреля 2006. То есть через месяц после начала столкновений в районе парижской Сорбонны. Там несколько сотен молодых манифестантов забрасывали полицейских и жандармов, охраняющих подступы к зданию университета, всем, чем придется. В ход шли камни, «файеры», бутылки с зажигательной смесью. В ответ полицейские и жандармы использовали слезоточивый газ и водяную пушку. Как писали газеты того времени: «Отступая от здания Сорбонны на соседние улицы, демонстранты перевернули и подожгли несколько автомобилей, а также разгромили навесы нескольких кафе в Латинском квартале. В книжном магазине, расположенном на углу площади Сорбонны и бульвара Сен-Мишель, начался пожар. Над группами манифестантов разносятся крики „Долой государство, полицию и работодателей!” и другие антиправительственные лозунги...»

Да, повторить Сорбонну хотелось бы, наверное, не одному российскому студенту-революционеру. Но у нас, в отличие от Франции, на данный момент совершенно другая историческая ситуация. Российские студенты, как и рабочие, интеллигенция, в нескольких поколениях пережив все прелести тоталитаризма, социально оказались совершенно пассивны. Да и взрывы ведь были анонимны: никаких требований, никаких лозунгов. Так что эта версия отпадает...

Мне нужно больше информации, и в «свободное от работы время» я двинул на Воробьевы горы.

Смотровая площадка. Столица, как на ладони. Сразу под крутым спуском изгибается Москва река. За ней – лужниковский стадион и дальше дома, дома, Шуховская башня, парк Горького, храм Христа Спасителя, Кремль, Останкинская телебашня...

Сюда, полюбоваться городом, приезжают гости столицы – свои отечественные и иностранные. На автомобилях и автобусах. Щелкают фотоаппаратами и языками:

- О-ля-ля...
- Фантастиш...
- Итс грейт...
- Как здорово-то, а...

У застольных торгашиков втретодорога покупаются матрешки, а также другие атрибуты «а ля рус» – буденовки, бескозырки, палеховские шкатулки, гжелеватые гуси, футболки с архаичной надписью «СССР»...

А еще здесь останавливаются свадебные кортежи. Из лимузинов и автомобилей попроще выходят расфуфыренные невесты и женихи, пьют шампанское с видом, блестят влажными глазами. Не долго. Согласно свадебному графику и тарифу.

Люди приезжают и уезжают. Остается вид, и остается то, что смотрит и на Москву, и на саму смотровую площадку – главное здание Университета, которое студенты называют за просто «ГэЗэ». Одна из семи высоток столицы. Самая из них непафосная достопримечательность, населенная веселым студенчеством и благородным ученым братом. Самая таинственная достопримечательность, уходящая вниз, как подозревают ее тусующиеся в интернете обитатели, на столько же этажей, как и вверх. Говорят, там, в подвалах, в суперсекретных лабораториях суперсекретные ученые работают над суперсекретными проектами. Там в подвалах лежит громадная золотая статуя Сталина, которая должна была быть установлена на шпилье главного здания после окончания его строительства в 1953 году (но вождь, вместе со своим культом личности, умер до срока). Там в подвалах в эпоху «сухого закона» 1985 года по чикагскому образцу был оборудован упрятанный от посторонних глаз банкетный зал для высоких гостей. Там в подвалах проходит суперсекретное Метро-2, по которому из университета можно за просто доехать до Кремля...

Я смотрел на высотку со смотровой площадки и думал о том, как меняется здешний вид. Не так давно это здание единолично возвышалось над городом. А теперь справа растут высотки делового центра. А если отъехать в сторону от смотровой площадки, то можно будет видеть на горизонте не только университет, но и врывающиеся в небо десятиэтажные жилые дома на Мосфильмовской улице. И, наверное, скоро в здешних окрестностях появятся еще высотки, которые будут соперничать с университетом за присутствие на горизонте. Ныне дома вырастают в столице в самых неожиданных местах – между другими домами, рядом с памятниками архитектуры – исторический пейзаж меняется. Вроде бы в соответствии с генеральным планом обустройства столицы. Только никто из москвичей в это не верит. Даже в правительстве говорят о гигантских взятках при строительных подрядах.

«Исторический пейзаж меняется» – снова подумал я. А не в этом ли дело? Да, в начале 21 века многое стало измеряться исключительно в деньгах. Сколько стоит квадратный метр земли на Воробьевых горах? Может быть, кто-то решил просто убрать с карты Москвы, с карты России это так подверженное взрывам и пожарам, такое небезопасное для людей здание? И на месте университета построить современный «пожаровзрывоустойчивый» жилой комплекс или бизнес-центр? Прекрасный вид, шикарное место. От инвесторов отбоя не будет. Глядишь, и через какое-то время кто-то с гордостью будет рассказывать:

- Теперь вот на Воробьевых горах живу. Ну, где раньше университет был...
- А университет где теперь?
- Да переехал куда-то...

Бредовая версия? На первый взгляд «да». Но если подумать, то в наши-то времена черт его знает. Если не самый крупный банк смог «потеснить» старое историческое здание Московского университета в центре столицы на Моховой, то почему бы кому-нибудь покруче и не вытеснить само главное здание с Воробьевых гор?

Я смотрел на величественное здание снизу вверх. Увы, в эпохи перемен все может быть...

Добавив в копилку версий новую, я вошел в само здание. Предстояла рутинная работа по сбору первичной информации от официальных представителей. По опыту всей моей работы я знаю, что чиновники обычно стараются не делиться информацией, а замалчивать ее. Не из зловредности, а так, на всякий случай, вдруг потом начальство наедет: разболтался, мол, перед журналистом, за место не держись. Держатся ребята. Обычно крепко держатся. Так что я иллюзий не питаю, но все равно кто-то посмелее что-то может сказать по делу, кто-то невзначай что-то проронит или на что-то намекнет, и в итоге появится какая-то приличная пища для размышлений.

За первой попавшейся административной дверью выпрашиваю телефонный справочник МГУ и звоню. Первым делом, ректору. Но тут не все так просто. Чтобы поговорить с первым лицом университета, нужно сначала записаться через пресс-секретаря. И потом ждать. Сколько? Отвечает:

– Может быть и месяц.

Подождем. Но тем временем поработаем с остальными. Листаю страницы справочника и звоню, звоню, звоню. В службу безопасности, в службу гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, в отделение милиции, в пожарную часть, в медицинскую...

Кто-то вышел из кабинета на минутку, кто-то на пенсию. С кем-то договорился встретиться, с кем-то не договорился вообще.

Начальник отделения милиции капитан Капустин оказался вполне вменяемым человеком:

– Значит, у нас на территории работать будете... Что ж, чем сможем – поможем. Пока, к сожалению, порадовать вас особенно нечем. Следствие по взрывам и пожарам еще не закончено... Ну и вы, если что-то узнаете, поделитесь прежде, чем публиковать это в вашей газете. Давайте сотрудничать...

– Давайте...

А вот начальник службы безопасности засыпал вопросами:

– Из какой газеты? А зачем вам?... Ничего не знаю, ничего никому не скажу...

Это нормально. Это начальникам служб безопасности свойственно...

Председатель профессорского домового комитета шарахнулся от меня, как от прокаженного:

– Журналист? Нет, нет, нет...

Знаю, что не так давно была публикация о при- и деприватизации квартир в главном здании МГУ. Вот встревоженный народ и боится прессы-с. Можно понять...

Встречаюсь с университетскими начальниками разных уровней. Веду разговоры об МГУ, о ГЗ, о студентах и преподавателях. Между делом прогуливаюсь по самому зданию. Солидное строение. Мрамор. Высокие потолки. И запах, запах другого времени, другой эпохи. Сколько же гениев здесь ходило. И ходит, наверное. Я всматриваюсь в лица проходящих мимо студентов. Этот гений. И этот, наверное, тоже. А кто же из них тот злодей, что поджег университет, лишил жизни двух своих товарищей?...

Как я и ожидал, первые встречи с руководством не дали мне особо ценной информации, не помогли выбрать наиболее обоснованную версию происходящего в университете. Нужно было брать это здание не снаружи, а изнутри, общаясь с теми, кто приходит сюда не на несколько рабочих часов, а обитает здесь круглосуточно.

Думая о том, как и с кем завести бы нужное мне знакомство, я уткнулся носом в доску объявлений:

«Продам книги по математике, химии, термеху...
Продам клавиш оперы „Свадьба Фигаро“...
Куплю книги Наймарка и Глазмана по дифференциальным операторам...
Продам тибето-англо-русский словарь с санскритскими параллелями...
Братья, друзья, – помогите девушку найти!!!
Это случится 15 февраля...
Продаю гитару, комбик, кольчугу, матрас...
Срочно куплю 2х-ярусную кровать!!!
Помощь студентам в решении контрольных, курсовых, дипломных...
Кто хочет руммэйти американца?
Конкурс красоты мисс-Физика 2007...
Научу играть на гитаре...
Ребята! Помогите, проигрываю ящик пива!
Уроки английского языка...»

Последнее объявление меня весьма заинтересовало. Особенно указанный в нем адрес – одна из комнат общежития ГЗ. Не откладывая, я позвонил по здесь же указанному телефону:

– Здравствуйте, хочу подтянуть свой английский... Нет, не студент. Журналист. Еду в загранкомандировку... Да хоть сейчас. Я, вот, как раз, на первом этаже стою у вашего объявления... Иду...

Я быстренько поднялся на лифте, прошел по узкому коридору-лабиринту с дряхлым подгнившим паркетом. Вот и нужная комната. Судя по голосу в телефонной трубке, за дверью меня должна ждать представительница прекрасного пола. Стучу. Открывает. А она очень ничего, эта представительница прекрасного пола!

– Здравствуйте, я по объявлению...

– Да-да, проходите...

Мы быстро познакомились, договорились об оплате, графике наших встреч и начали:

– How you doing?

– Thank you, I'm fine! What about you?

– I'm kicking.

– What does it mean?

– Life is sticking, but I'm OK...

Вслед за своей преподавательницей – очаровательной Зоей – я повторял слова и фразы. Между делом разглядывал узкую с высоким потолком комнату. С одного ее конца высокое же окно с огромным подоконником, с другого – дверь в общую с соседней комнатой прихожую. Там, перед внешней дверью, еще две двери. Зоя мне показала, что за ними. За одной – умывальник с душем. За другой – туалет:

– If you need it, use it.

В комнате есть кровать. Одна, потому что Зоя аспирантка. Как она мне рассказала, студенты в таких комнатах живут по двое: кровать and раскладушка. Вторая полноценная кровать здесь не поместится, так как остальное пространство занимают необходимые для занятий стул, стол и бюро с книжными полками. Мебель старая – пропитанная все тем же гэээшным запахом. А по верх него тонкий приятный аромат. Это, видимо, духи Зои...

На столе стоит old lamp – светильник из эбонита. Такие я видел в старом кино. С помощью таких энкаведешники направляли яркий свет в глаза своим жертвам:

– Ты собирался взорвать Кремль и отравить товарищей Сталина и Ворошилова?!

– No, I'm innocent, – отвечаю на какой-то вопрос Зои. Как обучаемый, я могу позволить себе говорить невпопад. Она улыбается. По-моему, у нас складываются отношения. После занятия, до конца которого осталась буквально пара минут, можно будет выпросить а cup of tea и разговор на нужную мне тему. Come on!

– You are so beautiful.

Зоя не ожидала такой английской наглости. Замешкалась с ответом. И вообще ничего не ответила, так как в этот момент громко хлопнула внешняя дверь, и раздался крик:

– Я его видел! Я его видел!

Я посмотрел на Зою:

– What's happening?

– Just a moment, please...

Она вышла из комнаты. Я последовал взглядом. В прихожей, прижавшись спиной к внешней двери, стоял высокий guy в очках, несколько облагораживающих розовое поросячье личико. Увидев Зою, он возбужденно повторил:

– Я его видел! Видел!

Из второй комнаты, запахивая халатик, вышла Зоина neighbor – Лиля:

– Турчик, что случилось?

Guy повторил еще раз, но уже несколько спокойней:

– Я его видел...

Лия вздрогнула:

– Черного аспиранта? Снова?

– Да, – замотал guy головой, – это был он...

– Черный аспирант? – не понял я, тоже высунувшись в прихожую.

– Он самый, – снова подтвердил розовощекий.

Зоя покачала головой:

– Что же это, черный аспирант уже среди бела дня стал появляться...

Охота на черного аспиранта

Я недоумевал:

– Черный аспирант, он что, африканец? Почему черный?

Лиля с приходящим в себя «Турчиком» переглянулись. Зоя пожала плечами:

– Может, и африканец. Может, китаец или японец. Или грязный русский. Или потому что ночью обычно появляется. Никто его лица не видел.

– Да, – закивал «Турчик», – он черный. Он был весь в черном. И точно – лица я не видел...

– А почему аспирант? Он что, удостоверением размахивал?

Зоя кивнула на Лилю:

– Это пусть лучше она расскажет. Лиля у нас по всякой мистике – спец...

Лиля качнула своими почти школьными косичками:

– Это не мистика. И то, что сегодня случилось, только подтверждает существование черного аспиранта.

– Я же его своими глазами видел, – уже бодро и гордо подтвердил розовощекий «Турчик».

Лиля продолжала:

– Видите ли, когда-то очень давно в университете учился парень на филологическом факультете. Хорошо учился, так хорошо, что после окончания поступил в аспирантуру. И там у него все шло нормально, но вот диссертацию он не защитил. В один из дней просто исчез. Все разные догадки строили, куда парень пропал, а он так и не обнаружился. Но сразу после его исчезновения по ночам кто-то в черном стал по коридорам ходить, в комнаты заглядывать...

Я был разочарован:

– Это, наверное, какой-нибудь студенческий миф. Знаете, как бывает: в старых зданиях паркет сам по себе иногда скрипит. А двери порой просто сквозняком открывает.

Лиля снова тряхнула косичками:

– Можно, конечно, и не верить в существование черного аспиранта. Особенно если, в отличие от некоторых, собственными глазами не видел.

– Я видел, – влез «Турчик».

– Но вот какая штука, – вновь взяла слово Лиля. – Многократно подтверждено, что если встретить черного аспиранта накануне чего-то важного в твоей жизни, то оно не случится. Не получится, так же, как не получилось с защитой у черного аспиранта. Не важно, что ожидается: экзамен, зачет или еще что-то, но после встречи с черным аспирантом, это будет обязательно провалено...

Я обратился к розовощекому:

– Вы, надеюсь, ничего не провалите.

Еще минуту назад растерянный «Турчик» уже совсем преобразился. Подбоченился и приобнял Лилю:

– Мне нечего проваливать, я давно уже диплом получил. Кстати, я – журналист в третьем поколении, Артур Волосенко.

– Александр... Значит, мы – коллеги. В какой газете работаете?

– Не в газете, – снисходительно помотал он головой, – в известнейшем журнале.

– А как называется..., – не переставал я любопытствовать.

Но Лиля прервала меня:

– Что ж теперь делать? Я не хочу его видеть. Я боюсь.

– Я тоже, – кивнула Зоя, – он же теперь чуть ли не каждый день появляется. И такое ощущение, что именно наша комната его притягивает. Как будто черный аспирант за нами

охотится. И мне страшно. Особенно ночью. Спать невозможно, к каждому шороху прислушиваюсь...

Лиля прижалась к Артуру.

– Может, в милицию обратиться, – предложил я, вспомнив оставившего приятное впечатление капитана Капустина, – пусть разбираются.

Зоя глянула на меня весьма скептически:

– И что – милиции сказку про черного аспиранта рассказать?

Лиля кивнула:

– Посмеются только. Хотя это и не сказка.

Я пожал плечами и посмотрел на Артура:

– Ну, тогда остается только одно – поймать его собственными силами.

Тот кивнул:

– Точно, надо поймать его или напугать так, чтоб он сюда дорогу забыл.

Я продолжил:

– Нужно установить дежурство и взять его с поличным, как говорят специалисты из компетентных органов.

Зоя скептически посмотрела на Артура:

– Ну и кто ловить будет?

Лиля посмотрела на Артура с надеждой. Но тот отвел взгляд на часы и покачал головой:

– Вообще-то я на минутку забежал. Узнать, все ли тут в порядке. И мне уже домой возвращаться пора. Мама будет беспокоиться, если запоздаю...

Я предложил:

– Так позвони ей, скажи, что занят, мол, благородным делом...

Зоя покачала головой:

– Вы не знаете его маму.

Лиля согласно кивнула. Артур развел руками:

– Нет, у меня никак не получится.

Зоя поежилась:

– Как подумаю о нем, так мороз по коже. Хотя и не видела ни разу, но как-то...

Лиля, глядя на нее, вздохнула:

– Что ж, как обычно, запремся в своих комнатах. Сквозь стены он вроде все-таки не проходит...

На это Зоя заметила:

– Хотя иногда кажется, что и меж стен кто-то ходит, шебуршит там.

– Ну, это со страха, – сказал Артур и повел было Лилю в ее комнату, – действительно, закроемся на ключ, и ничего не случится.

«Черный аспирант», подумал я, а ведь это версия. Человек, которого никто не видел, но который свободно с одной ему известной целью расхаживает по ГЗ днем и ночью. Может быть, это он – виновник всех происшествий в ГЗ, и именно тот, кого я ищу. И я предложил:

– Вот что, девушки, а давайте я ночью подежурю.

Лиля с Зоей переглянулись:

– Но мы вас совсем не знаем. Может быть вы и...

– Есть черный аспирант, – продолжил я и улыбнулся, – но я был в комнате, когда Артур его видел.

– Да, это так, – девушки снова переглянулись, потом внимательно посмотрели на меня. Сомнение в их взглядах не исчезало.

– Ну, а вдруг вы, коллега..., – затянул было, не договаривая, Артур.

– Что-нибудь сворую или еще что похуже отчебучу? – опять же продолжил я. – Вы же, девушки, закроемся на ключ в своих комнатах. А я здесь буду сидеть, в прихожей, у приот-

крытой внешней двери, и смотреть за нее всю ночь. Если появится черный аспирант, то схвачу его или уж тревогу подниму, если не удастся с ним справиться...

– А вам-то это зачем? – поинтересовалась Зоя.

Я ответил как истинный рыцарь:

– Нельзя же вас бросить в беде...

Зоя смотрела на меня теперь уже с интересом:

– Всю ночь не спать...

Я скромничал:

– Ну, моя профессия такого нередко требует...

– Это точно, – авторитетно подтвердил Артур, – и мне, помнится, приходилось...

Перебил его:

– И потом, что не сделаешь для спокойствия таких, – смотрел я на Зою, – девушек.

Она улыбнулась:

– А вас никто не ждет? Никто не будет беспокоиться, что всю ночь нет?

– Никто, – успокоил ее.

– Вот и славненько, – подытожил Артур и завел Лилу в ее комнату. – Удачной охоты.

Я выглянул в коридор:

– Сейчас здесь черного аспиранта нет. Наверное, он Артура испугался и убежал. Поэтому я пока пойду, наше сегодняшнее занятие по английскому ведь закончено. А на дежурство вернусь позже.

Зоя улыбнулась:

– Будем ждать.

Первым делом я спустился вниз в надежде что-нибудь перекусить. Можно было бы пригласить с собой Зою. Но хотелось поразмыслить о произошедшем, сосредоточиться.

Столовых в ГЗ несколько, как и буфетов. Я на них наткался, бегая по интервью с университетским начальством. Но даже если не знаешь, что общепит в основном прячется под лестницами первого этажа, то нужно просто идти по стойкому столовскому запаху. Не самому аппетитному, но терпимому.

На вкус еда была также терпимой. С моей-то профессией что и где только не приходится впихивать в себя. Вчера – в элитном гастрономическом ресторане, сегодня – в студенческой столовке, завтра – в привокзальном буфете на 357 километре...

Я жевал, кажется, котлету, и думал о черном аспиранте. Когда же мысли мои заходили в тупик, то отвлекался на чтение забавного столового ценника. Он был щедро усыпан поварскими опечатками и перлами:

«Салат с ябломками
Бутерброд с горбушкой
Суп расовый по-литовски
Суп мясной с мясом
Бес строганный
Гуженина по-польски
Сосиски тварные
Напиток из гранатового напитка
Чей горячий
Кака на молоке»

В университетских стенах читать это было особенно забавно.

Залив, кажется, котлету какой на молоке, я глянул на часы. Времени еще достаточно, чтобы побродить рядом с комнатой Зои и Лили по межэтажным лестницам и коридорам-лабиринтам.

Веселые и не очень голоса. Медленные и быстрые шаги. Вокруг. Студенты и студентки, не обращая на меня никакого внимания, перемещаются себе в своем неевклидовом пространстве: из пункта «А» в пункт «Б», далее в пункт «Ц» со всеми остановками или без оных. По самому кратчайшему пути и в обход. Неожиданно пересекаясь в параллелях любви и учебы.

Джинсы. Шорты. Миниюбки.

Синие. Красные. Хаки.

Стриженные головы. Зеленые хаеры.

Без косметики. И с изрядным количеством.

Без сережек. И с браслетами. С кольцами в бровях и ноздрях.

Никто из них не прятал лица и не был похож на черного аспиранта.

Я тормознул на лестничной площадке брюнетистого парня:

– Черного аспиранта не видел?

Он, не раздумывая, ответил:

– Не, я его не знаю. Может, этажом выше живет?

На кухне сразу за лестницей рыжая девушка, заглядывая в учебник по химии, варила себе брокколи. Деловито осмотрев небольшое помещение с тремя газовыми плитами, я спросил ее:

– Извините, а вы не встречали здесь черного аспиранта?

Девушка пожала плечами. Значит, он попадает в ГЗ не всем. И, может, была права Зоя, когда говорила, что по какой-то причине черный аспирант проявляет особый интерес именно к их комнате. А это значит, что я оказался в нужном месте...

За окнами темнело. Внизу огоньками засветилась Москва. Пора.

Я постучал в знакомую дверь и услышал приглушенное:

– Да-да, войдите.

Внешняя дверь была не заперта. Они боялись черного аспиранта, но все-таки ждали меня, надеялись. И я подтвердил:

– Ночной дежурный прибыл.

В почти квадратной прихожей стоял стул. На нем чашка и термос. Я раскрутил его – горячий чай.

Подумал и постучал в комнату Зои. В ответ раздался обеспокоенный голос:

– Да?

– Зоя, спасибо за чай.

– Не за что. Что-то еще?

– Да, пока вы не уснули, дайте мне какую-нибудь книжку почитать, чтоб не скучно ночью было.

Зоя провернула ключ, открыла дверь и приложила палец к губам:

– Артур ушел, и Лиля уже легла. Она вообще ложится рано. И рано встает.

– Понял, – сказал я тоже шепотом.

– А я еще только собираюсь ложиться, так что заходите, – указала на книжную полку, – выберите что-нибудь сами...

Я скользнул взглядом по корешкам: Бердяев, Ключевский, Шопенгауэр, Розанов Сартр, Аристотель, Конфуций...

Философствовать в ночи как-то не очень хотелось. И вдруг увидел то, что мне абсолютно точно нужно именно в этом здании:

– Я возьму вот эту...

– «Историю Московского университета»?

– Да, Зоя, хочу узнать о вас больше, так сказать, в интерьере...

– Спокойной ночи, – шепнула она, закрывая дверь. Потом снова открыла и все так же тихо добавила, – будьте осторожны...

– Постараюсь...

Я устроился на стуле. Студенты, время от времени проходящие мимо по коридору, не обращали никакого внимания на не совсем прикрытую дверь. Никто не всматривался в щелку и не замечал меня. Незапертые двери в этом небогатом, несколько искусственном студенческом мире – дело обыденное. Умы открыты знаниям, души распахнуты новым знакомым. Лишь когда вылупятся студенты из университетского яйца, когда займут свои собственные квартиры и дома, когда наполнят их комфортными дорогими вещами, только тогда они научатся, каждый раз входя или выходя, запирать двери на все замки и засовы. А пока, пока незапертая дверь – явление обычное.

Хлебнув чайку, я открыл позаимствованную у Зои книгу:

«Своим рождением Московский университет обязан участию многих персон, но к самым значительным из них, без всякого сомнения, можно отнести императора Петра I, архангельского крестьянина Ломоносова, придворного фаворита Шувалова, императрицу Елизавету Петровну, промышленника Демидова.

До Петра I российское образование развивалось медленно и вяло. Первое высшее учебное заведение в Отечестве учреждено было в 1682 г. царем Федором Алексеевичем. И была это Академия в московском Заиконоспасском монастыре. Следовала она, в основном, традициям богословских факультетов европейских университетов.

Все началось, по большому счету, с Петра I. Когда ему исполнилось 25 лет, он с великим посольством посетил Голландию, Англию, Саксонию, Австрию и Венецию. Учился в тех странах корабельному делу, знакомился с техническими достижениями, с европейским политическим устройством и образом жизни. Благодаря новым взглядам Петра, 4 февраля 1698 г. учиться в Кенигсбергский университет уезжает первый студент из России Иоганн-Деодат Блюментрост – будущий архиатр (главный врач) Российской империи. Следом за ним во времена Петра I получили университетское образование в Европе более 50 россиян.

В 1712 г. Петр I ведет знакомство и общение с немецким философом Лейбницем, во время которого зарождается мысль об учреждении в России императорского университета. В 1717 г. Петр I избран членом Парижской академии наук и им начинается подготовка проекта основания Петербургской Академии наук, которая „такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть”.

По Петровскому разумению, „для распространения наук и художеств в государстве есть два рода учреждений: Университет и Академия. Университет есть собрание ученых, которые обучают молодых людей высшим наукам в том самом виде, в каком они теперь находятся; Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не только знают науки в их современном состоянии, но и сами стараются через новые изобретения их усовершенствовать и умножить, а обучением других не занимаются. Хотя Академия должна вмещать в себя те же самые науки, как и Университет, и состоять из тех же членов; но в государствах, изобильных учеными, Университеты отделяются от Академий: учебные занятия могли бы отвлечь Академиков от тех размышлений и разысканий, которыми они должны приводить науки в лучшее состояние и тем приносить пользу Профессорам и Студентам; с другой стороны Университет высшими исследованиями своих ученых мог быть отвлечен от главной своей цели – от обучения, и молодые люди в следствие того были бы оставлены”. Предстояло в России „такое

здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была”. 28 января 1724 г. указ Сената об учреждении Академии наук был обнародован.

Примером Петру для развития наук явилась, прежде всего, Германия. Французские философы-просветители посвящали себя слишком много политиканству и блистанию в светских салонах, гостиных, и образование той страны носило характер более технический. В Англии же ученые оказались все более кабинетные, узким кругом коллегияльные.

Петру нужны были свежесть, новый подход к развитию науки. И нашел он их в первых образцах современного университета – в германских Галльском и Геттингентском. Ранее при схоластическом обучении полагалось, что истина уже дана и задача профессора лишь в том состоит, чтобы передать ее в неискаженном виде. Но в новом образовании истину можно и должно было искать. Современный профессор побуждает слушателя к тому. И профессор, и слушатель должны стать в процессе познания равными участниками. Слушатели становятся свободны выбирать предмет обучения, направление своего научного исследования, излагать свои мысли с кафедры. В основе нового университетского образования лежит принцип „трех свобод” – преподавания, обучения и исследования. И такое немецкое университетское образование быстро стало популярным, доступным, привлекательным для людей всех сословий и состояний. С одной стороны, оно пользовалось государственной поддержкой, а с другой, было свободно от давления внешних сил – университет самоуправлялся...»

Студенты, бредущие в свои ученые кельи на ночь, проходили мимо комнаты все реже и реже, и я уже почти не отвлекался на них от чтения:

«Итак, через Петра I именно немецкую модель развития университетской науки перенимает в 18 веке Россия. И именно в Германию, в Марбургский университет, едет учиться в 1736 г. один из лучших российских студентов, 25-летний Михаил Ломоносов. Крестьянин-помор, сбежавший из дома и пришедший пешком с рыбным обозом из Холмогор в Москву. Там, представившись дворянином, он поступает в старую академию. Его обман раскрыт, но за успехи в науках Михаила не отчисляют, и более того – в 1735 г. переводят в студенты петербургской Академии наук, оттуда посылают учиться за границу.

В Германии Ломоносов проявляет себя многими талантами – и в науке, и в питье, и в любви. Физические опыты он совмещает с физиологическими. После одного из застолий Михаил оказывается записанным в солдаты. Бежит на родину. И это не последнее Ломоносова приключение. В научных спорах с немецкими профессорами, преподающими в России, он нередко пускает в ход кулаки. А в 1757 г. пишет „Гимн бороде”:

„Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,

Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена...”

Стихи явили собой сатиру на ханжей-церковников, прикрывавшихся в неблагоприятных делишках роскошными бородами. Синод тут же потребовал, чтобы стихотворение „было сожжено через палача под виселицею”, а сам Ломоносов был подвержен жестокому наказанию. Обошлось.

Еще в 1724 году при Петербургской Академии наук, основанной Петром I, были учреждены университет и гимназия для подготовки в России людей научных. Но академические гимназия и университет с такой задачей не справились. И в 1742 г. Ломоносов составляет „Нижайшее доказательство, что в Петербурге нет университета”. Он начинает бороться за открытие в России университета полноправного, образцом которому он видел именно немецкий тип высшего учебного заведения. Там было покончено с принципом сословности: „В университете тот студент почтеннее, кто больше научился; а чей он сын, в том нет нужды”.

В 1747 году Ломоносов пишет „Оду на день восшествия на всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны”:

„...О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать...”

Но первым помощником в построении университета выдающемуся русскому ученому стала все же не императрица, а ее фаворит Иван Иванович Шувалов. Именно в письме к нему в 1748 г были изложены предложения Ломоносова, которые легли в основу проекта Московского университета...»

Что-то зашуршало за стеной. Я прислушался. Вот снова что-то прошкрябало сверху вниз. Но вряд ли это черный аспирант. Скорее крыса перебегает внутри вентиляции. В старых зданиях этих тварей обычно полно. Я продолжил читать, не обращая внимания на застенные шорохи:

«Уроженец Москвы, Шувалов с ранних лет хорошо знал иностранные языки. С 1749 г. он начал играть заметную роль при дворе императрицы Елизаветы Петровны. В конце своего царствования она сделала его генерал-адъютантом и членом конференции (тогдашнего государственного совета).

В Шувалове соединялись и религиозное воспитание русского человека, и потребности современного образования. Он не только сам любил науку и искусство, с коими ознакомился за границей, но и хотел насадить их в отечестве. И в этом устремлении сблизился Шувалов с Ломоносовым. В начале лета 1749 г. сообщил тому о решении учредить в Москве университет.

Шувалов и Ломоносов обсуждают проект, спорят. Ломоносов „хотел удержать вполне образец Лейденского с несовместными вольностями”. Шувалову иностранные образцы казались неприменимыми к русской жизни.

„Не мало споров возбудил также вопрос о том, где, в каком месте Москвы быть зданию Университета. Явилось предположение расположить его в самом конце города, близ Земляного вала, у Красных ворот..., ему противопологалось другое, что Красные ворота слишком далеки от наиболее заселенной части города, и что Университет непременно должен быть по возможности ближе к самому ядру города. Это последнее мнение восторжествовало”.

19 июля 1749 Сенатом утверждено „Доношение об учреждении в Москве университета и двух гимназий”, представленное И. И. Шуваловым, с приложением Проекта об учреждении Московского университета. Проект передан на подпись императрице Елизавете Петровне.

В будущем указе о создании университета Шувалов назван „изобретателем того полезного дела”. До самой кончины своей, последовавшей 14-го ноября 1797 года, Шувалов постоянно носил звание Куратора университета. Он пригласил для преподавания первых иностранных ученых – Шадена из Тюбингена и Фроманна из Штутгарта. „Речи Профессорам назначались по его приказанию. Тезисы для студенческих диспутов просматривал и утверждал он. На содержание недостаточных бедных Студентов он послал к покойному Директору Аргамакову тысячу рублей...”

Если бы на проекте не было подписи Елизаветы, то не было бы и университета. Новая 32-летняя правительница, дочь Петра I и Екатерины I Алексеевны, взошла на престол 25 ноября 1741. Она отменила смертную казнь, издала указы о строительстве инвалидных домов и богаделен и при этом жестоко подавляла крестьянские восстания. На смену немецким фаворитам при дворе появились русские и украинские дворяне, заинтересованные в делах отчизны.

В отличие от своего отца, Елизавета благоволила не только к Петербургу, но и старой столице – Москве. В ней она основала новый Университет. 8 августа 1754 г. вышел указ о передаче учреждаемому в Москве университету „Аптекарского дома” у Воскресенских ворот на Красной площади (сегодня на этом месте находится здание Государственного Исторического музея). Неготовность помещения к приему учащихся в текущем году, однако, послужила причиной задержки с официальным утверждением указа об открытии Московского университета.

12-го января 1755 года Елизавета утверждает проект Шувалова „о учреждении вышеобъявленного в Москве университета для дворян и разночинцов, по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются, и двух гимназий, одну для дворян, другую для разночинцов, кроме крепостных людей... Число месяца встречается с подобным же числом, когда, по велению Петра, состоялся Сенатский указ об учреждении Академии наук. Кроме того, говорят по преданию, что Шувалов

хотел подарить мать свою, Татьяну, в день именин ее, лучшим делом своей жизни, Московским университетом...”

Выбрана была именно Москва, потому что „установление онаго университета в Москве тем способнее будет:

- 1) великое число в ней живущих дворян и разночинцов;
- 2) положение оной среди Российскаго государства, куда из округ лежащих мест способно приехать можно;
- 3) содержание всякаго не стоит многого иждивения;
- 4) почти всякой у себя имеет родственников или знакомых, где себя квартирою и пищею содержать может;
- 5) великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науке не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, и только чрез то младыя лета учеников, и лучшее время к учению пропадает, а за учение оным бесполезно великая плата дается; все ж почти помещики имеют старание о воспитании детей своих, не щадя иные по бедности великой части своего имения и ласкаясь надеждою произвести из детей своих достойных людей в службу нашу, а иные, не имея знания в науках или по необходимости не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали...

...такие в учениях недостатки реченным установлением исправлены будут, и желаемая польза надежно чрез скорое время плоды свои произведет, паче ж когда довольно будет национальных достойных людей в науках, которых требует пространная наша империя к разным изобретениям сокровенных в ней вещей, и ко исполнению начатых предприятий и ко учреждению впредь по знатым российским городам российскими профессорами училищ, от которых и во отдаленном простом народе суеверие, расколы и тому подобныя от невежества ереси истреблятся”.

В проэkte об Учреждении Московскаго Университета определялось:

„§ 1. На содержание сего университета и при оном гимназии довольно десяти тысяч рублей в год.

§ 2... 2) Чтоб сей корпус, кроме Правительствующаго сената, не подчинен был никакому иному присутственному месту и ни от кого бы иного повеления принимать не был обязан.

3) Чтоб как профессоры и учителя, так и прочие под Университетскаго протекциею состоящие без ведома и позволения Университетских кураторов и директора неповинны были ни перед каким иным судом стать кроме Университетскаго.

4) Чтоб все принадлежащие к Университету чины в собственных их домах свободны были от постоев и всяких полицейских тягостей, тако ж и от вычетов из жалования и всяких других сборов...

§ 8. Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе систему или автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен следовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут.

§ 9. Все публичные лекции должны предлагаемы быть либо на латинском, либо и на русском языке, смотря как по приличеству материи, так и по тому, иностранной ли будет профессор или природный русской...

§ 12. Большим ваканциям в Университете быть два раза в году, а именно: зимою от 18 декабря по 6 января, а летом от 10 июня по 1 число июля...

§ 15. И дабы не оставить ничего, что бы могло молодых людей поощрять к наукам, то по однажды в году, а именно 26 апреля, раздавать им публичные награждения, которые состоять могут в небольшой золотой или серебряной медале с изображением Е. И. В. к наукам милосердия, которой приличную идею по установлении сделать...

§ 21. Которые студенты в Университете науки свои порядочно окончили, и через свое искусство и прилежание заслужили себе порядочные награждения, а притом в своих поступках всегда были добропорядочны, оным давать от Университета аттестаты за подписанием директора и всех профессоров; по которым аттестатам определять желающих в гражданскую службу по приличеству их природы и знания, и делать им протекцию ко ободрению протчих учащихся.

§ 22. Каждый студент должен три года учиться в Университете, в которое время все предлагаемые во оном науки, или по крайней мере те, которые могут ему служить к будущим его намерениям, способно окончить может, а прежде того сроку никого против его воли и желания от наук не отлучать и к службе не принуждать; сверх того, не соизволено ль будет содержать студентов двадцать человек записанных на жалование, чтоб из них в гимназию определять в нижние классы учителями.

§ 23. Всяк желающий в Университете вышним наукам учиться, должен явиться у директора, который прикажет профессорам его экзаменовать, и ежели явится способен к слушанию профессорских лекций, то, записав его в число университетских студентов и показав ему порядок учения, приличный его склонности и будущему состоянию, отослать при письменном виде к тем профессорам, у кого какие лекции слушать имеет; и во ободрение позволено ль иметь шпагу, как и в протчих местах водится.

§ 24. Учащиеся в Университете студенты не должны ни в каком другом суде ведомы быть, кроме университетского; и ежели приличатся в каких-либо непорядочных поступках, то не касаясь до них никаким образом приводить их немедленно в университетский дом к директору, который, смотря по вине, учинит им надлежащий штраф или отошлет к тому суду, до которого такие дела надлежат...

§ 39. Для различения дворян от разночинцев учиться им в разных гимназиях, а как уже выйдут из гимназии и будут студентами у вышних наук, таким быть вместе как дворянам и разночинцам, чтоб тем более дать поощрение к прилежному учению...

§ 42. Всем профессорам, учителям и прочим университетским служителям иметь жительство свое в близости от университетского дому и гимназии, дабы в прохаживании туда и назад напрасно время не теряли..."»

Забавно, подумал я, даже в те годы, когда Москва была гораздо меньших размеров, учредители пеклись о том, чтобы время и силы ученого народа понапрасну не терялись в уличных пробках. Хмыкнул себе и продолжил читать:

«7 мая 1755 года состоялась торжественная инаугурация Московского университета. Осенью завершен первый набор казеннокоштных студентов – 30 человек. Жалование каждого студента составляло 40 рублей в год.

Скоро помещение в доме у Воскресенских ворот оказалось тесным, и сенатским указом от 4-го мая 1756 года приказано было приобрести еще дом Главной Аптеки, что на Моховой...»

Где-то в коридоре скрипнула дверь, и я оторвался от книги. Тихие неритмичные шаги. Скрип еще одной двери. Приоткрыв ее, человек, видимо, постоял возле, но не вошел. Опять шаги. Я отложил книгу. Черный аспирант? Это же он, как говорила Лиля, бродит по коридорам, заглядывает в незапертые двери.

Я встал. Мышцы мои напряглись – будем брать. Если не справлюсь сам, то, по крайней мере, шум подниму. На него кто-нибудь из студентов выскочит, поможет черного аспиранта скрутить. Шаги приближаются. И затихают. Он остановился?

Вдруг раздалось негромкое постукивание. Он стучит в дверь? Тогда это не черный аспирант. Чего бы ему так к себе внимание привлекать?

На стук кто-то вышел в коридор. Понимаю, что о чем-то говорят, но слов разобрать не могу. Человек идет дальше. И снова тихонько стучит в дверь. Ждет. Никто не выходит. Снова идет. Стучит. Приближается. Я напрягся. А вдруг все-таки Он?

Из какой-то комнаты выходят, и теперь уже слышу:

– Ты знаешь, который час?

Я глянул – долго же уже читаю – пол пятого. Другой голос:

– Ну, поздно, ну засиделся, зачитался вот... Слушай, есть у тебя морковка, или картошка, или лук...

Через минуту что-то ударилось, по-видимому, о дно кастрюли. Дверь закрылась, и человек пошел дальше. Снова постукивания в двери. Похожий разговор.

И вот он подошел к моей двери – молодой бледный парень с воспаленными то ли ночью, то ли чтением глазами. В синей – нет, не черной – рубашке. В руках у него действительно кастрюля. Не обращая внимания на то, что дверь приоткрыта, он потянулся постучать. Но я не дал ему этого сделать. Открыл сам и приложил палец ко рту:

– Тихо.

Парень направил взгляд на кастрюлю, потом снова на меня. Я покачал головой. Он начал было приоткрывать рот, тогда я показал кулак. Бледный парень вздохнул и пошел дальше по коридору в сторону кухни, попутно продолжая постукивать в попадающиеся на его пути комнаты:

– Ну, поздно, ну засиделся... Нет, картошки уже не надо. Морковка? Давай... Кабачок? Очень хорошо...

Я выпил чайку, успокоился и продолжил читать:

«Университет родился, но мог и не выжить. Изначально со студентов не взималась плата за обучение (в дальнейшем от нее стали освобождать неимущих студентов). А государственные ассигнования лишь частично покрывали его потребности. Университету нужны были дополнительные источники дохода.

В 1757 г. случился финансовый кризис университета. „Шувалова озабочивали весьма суммы Университета... Канцелярия, несмотря на настоятельные требования Куратора, не могла отдать отчета в расходах сумм за первые два года существования Университета... Статс-Контора не всегда исправно и в сроки отпускала штатную сумму, от чего бывали большие затруднения в содержании чиновников и в экономических оборотах. Ассессоры жаловались, что студентам и ученикам, состоящим на казенном содержании, денег достает только на пищу, что они просят об одежде.

Существовал странный обычай отдавать казенные суммы в заем частным людям, вероятно с той целью, чтобы увеличивать проценты...

Иногда и Профессоры, и учителя по месяцам не получали жалованья и терпели нужду. Суммы, ходившие за проценты по частным рукам, приводили в затруднение. Шувалов ходатайствовал о том, чтобы Университету пожалована была деревня и даже получил на то обещание Императрицы...

Тяжелое финансовое состояние университета в первые годы значительно замедлило его развитие. На помощь пришли благотворители. „В 1785 году, в Сентябре месяце, Императрица (Екатерина) приказала купить дом Генерал-Поручика Князя Борятинского, что на Моховой, и подарила его Университету... Подражая щедротам Императрицы, многие частные лица благородно соревновали друг другу в пожертвованиях Университету...” Среди меценатов выделялись Демидовы, Строгановы, Е. Р. Дашкова. Они приобретали и передавали университету научные приборы, коллекции, книги, учреждали стипендии для студентов.

Более всех помогали Демидовы, поставлявшие казне оружие и жестоко эксплуатировавшие труд уральских крестьян. По своей ли воле, по настоятельной ли „просьбе” Шувалова, но эти промышленники весьма облегчили жизнь молодого университета: „17 февраля 1755 в дар университету горнопромышленник Н. А. Демидов передал коллекцию минералов (собрание минералов проф. Генкеля), которая составила основу университетского минералогического кабинета...

Прокопий Акинеевич Демидов в 1779 г. января 11-го, накануне незабвенного дня учреждения, при письме на имя Шувалов, прислал 10 000 рублей для Московского университета... Сумма, пожертвованная Демидовым, отдана была в Московский банк с тем, чтобы на проценты, с нею получаемые, могли содержаться в Университете шестеро Студентов и выходить не только в учителя, но и в Профессоры...

Готовилось начать каменное строение в Университете: Никита Акинеевич Демидов, узнав о том, написал Шувалову, 1779 года Декабря 11-го, письмо, в котором обещался выставить для кровли Университетского дома 5 500 листов черного аршинного железа с своих заводов, – и исполнив обещание, в 1781 году Мая 8-го прислал еще 800 пудов лучшего связного железа на укрепление стен Университетского дома...

Много было и других меценатов. Так „тайный Советник Собаки завещал Университету 2 500 руб. на вспоможение учащимся или на содержание питомцев: на проценты с этих денег, отданных в частные руки, содержались два Студента...

Коллежский Ассессор Твердышев пожертвовал Московскому Университету на содержание известного числа Студентов 20 000 рублей...

Такая ревность любителей образования одушевила иностранных ученых, живущих в Москве, на такие же подвиги. Профессор Иоганн Георг Шварц взялся читать публичные лекции без жалования и платы. Его примеру последовал Лицензиат прав, один из искуснейших теоретических юристов, Шнейдер...

Князь Потемкин-Таврический... всегда с благодарностью помнил о месте своего учения, где раскрылись его счастливые особенности. Он хотел выразить свои признательные чувства Университету на деле и, в начале 1791

года, определил доходы с своей Ачуевской дачи, с ее рыбными ловлями и солеными озерами, на умножение Университетского капитала...”

И позже находились жертвующие на нужды Университета. Выпускники не забывали о своей alma mater: собирали средства по подписке, профессора по установившейся традиции завещали университетской библиотеке свои личные собрания...

Петр I, Ломоносов, Шувалов, Елизавета, Демидов... Благодаря им родился, выжил и стал развиваться университет. Демократический университет, начавший широкое распространение среди учащихся и преподавателей передовых научных и общественных идей. В него могли поступать выходцы из различных сословий, за исключением крепостных крестьян. Во второй половине 18 века в университете преподавали 26 русских профессоров, и только трое из них имели дворянское происхождение. Среди учащихся разночинцы также составляли большинство.

Поступить в университет было и сложно, и просто. Сложно, потому что многим абитуриентам было и по 13, а то и по 11 лет – для университета рановато. Просто, потому что на вступительном экзамене могли спросить, кто был Александр Македонский или как называется столица Франции или в какое море впадает Волга.

Указ о создании Московского университета был подписан 12 (25 по новому стилю) января 1755 года (в День св. Татьяны по православному церковному календарю), а 26 апреля (7 мая) в день празднования годовщины коронации Елизаветы Петровны состоялась церемония торжественного открытия занятий.

И ныне эти даты традиционно отмечаются в университете студенческими празднованиями. К ним приурочены ежегодная научная конференция „Ломоносовские чтения”, а также дни научного творчества студентов...»

В шесть бледный гость прошел по коридору в обратном направлении. Не глядя на мою дверь. Осторожно вытянув перед собой руки, в которых через две тетрадки держал кастрюлю. Пахло супом. «Приятного аппетита» – мысленно пожелал я ему и подумал, что это у него: ужин или завтрак?

И я попил чайку. Завернул крышку опустевшего термоса и удивился неожиданному скрипу. Но это потихоньку открылась дверь правой комнаты. Из-за нее вышла Лиля. Все в том же халатике, что я видел на ней накануне. Она шепотом, как и Зоя вечером, произнесла:

– Доброе утро.

– Доброе утро. Как спалось?

Лилия улыбнулась:

– Вы знаете, хорошо... Хотя и странно как-то. Почти незнакомый человек сидит рядом, под вашей дверью. Но это лучше, чем какой-то вообще непонятный черный аспирант. Вы его не видели этой ночью, он не появлялся?

– Нет, – разочаровал ли я ее, – хотя какой-то аспирант или студент расхаживал тут с кастрюлей. Картошки с морковкой просил.

Лилия снова улыбнулась:

– Это Кеша. Да, он аспирант. Но не черный. Он немного помешан на науке. Читает целыми ночами и днями напролет. Мало ему библиотечных книг, так он и стипендию, и то, что ему родители подбрасывают, на книги пускает. А потом сидит голодный.

– Или варит суп с помощью соседей.

Лилия махнула рукой:

– Ну, это нормально. Мы все тут друг друга чаем-хлебом-сахаром выручаем. А Кеше, тем более, всегда помогаем. Если его не подкармливать, он просто загнется...

Я покачал головой:

– Да, странные у вас тут обитатели – черный аспирант, Кеша, который по ночам суп варит...

Лиля неожиданно согласилась:

– Да, в этом здании много странного. И неслучайно.

– Что значит неслучайно?

Лиля пристально посмотрела на меня:

– Это здание очень особенное.

Я согласился:

– Да, это своеобразный архитектурный шедевр.

– Нет, – чуть нахмурилась Лиля, – вы не поняли. Оно не только этим особенно.

– Ах, – догадался я, – здесь живут, учатся и работают самые талантливые люди...

Лиля кивнула:

– И это, конечно, так. Но дело еще и в другом.

– В чем?

– Как-нибудь в другой раз...

Мы попрощались. Я ушел, так и не увидев ни ночного черного аспиранта, ни утреннюю Зою. Но с нею мы увидимся уже вечером. Хотя у меня и не предусмотрено сегодня занятий по английскому, но я приду на ночное дежурство. И, может быть, уже сегодня все узнаю о странной цепочке различных происшествий в главном университете страны – и о взрывах, и о пожарах, и об убийствах с самоубийствами. Ведь иногда расследование тянется месяцами, а иногда все разъясняется за несколько дней.

Но сначала нужно отоспаться после бессонной ночи. Я должен быть в форме. Черному аспиранту нельзя давать форы. И, возможно, сегодня, уже сегодня все прояснится. И еще, добравшись до дома, засыпая, я подумал о Лиле, о ее словах, которые она так и не объяснила: «Да, в этом здании много странного. И не случайно...»

Масоны

Я проснулся к обеду. Надо бы закончить материалы, которые задолжал главному редактору. От основной работы в газете меня никто не освобождал, и ГЗ мне можно заниматься лишь «в свободное время».

Завтракаю-обедаю. Пишу о лопнувшем в конце прошлого года банке, благо вся фактура уже собрана, под рукой. Никакой мистики, только факты: жил-был банк по соседству с налоговой службой, брал у населения деньги, обещая высокие проценты, а потом раз и ничего не вернул. И оказалось вдруг, что банк этот в обязательной страховой программе не участвует, что лицензия у него липовая, и ничего вкладчики обратно не получают. Никакой мистики – простая коррупция...

Чертыхаюсь, плююсь и пишу.

Пора. Ужинать. Ехать в ГЗ на ночное дежурство. Навстречу черному аспиранту. И Зое...

Перед выходом делаю несколько звонков коллегам – из головы у меня все не идет: в каком же это известнейшем журнале работает Лилин парень – «журналист в третьем поколении» Артур Волосенко. Узнать это сходу не удалось. Звоню. Еще звоню. Все-таки нужные сведения нашлись у одного из старых знакомых:

– Да, есть такой полуобозреватель в «Отечественном сельском хозяйстве»...

– Почему «полу»?

– По протекции его туда папашка пристроил. Ну, ты знаешь, как это бывает.

– Знаю. И как он?

– Да, никак. На этом Волосенко «природа отдыхает». Толку с него в журнале, как с козла... Ну, ты понимаешь...

Да, я все понимаю. Действительно, факультет журналистики заканчивает много всяких сынков и дочек. Часть из них потом честно не работает в журналистике, но часть все же оседает протекционным балластом в не самых трудозатратных журналах или радиостанциях. Там же, где надо пахать круглые сутки, гоняясь за ньюсмейкерами и разгребая фактуру, такие не задерживаются. Вот и Волосенко на «передовой» не пригодился, нашлось ему креслице в спокойном «Отечественном сельском хозяйстве». Вряд ли он, конечно, понимает что-нибудь в свином опоросе или протравливании озимых, но по понятным причинам терпят в журнале «коллегуировании озимых, но вот, ведь, "ибудь в свином опоросе или протравливании озимых, но журналист ведь,». В конце концов, вреда-то от него, наверное, тоже не много.

Все – бегу, еду в ГЗ.

Опоздал что ли, похоже. Внешняя дверь закрыта на ключ. После моего постукивания долго никто не выходит. Наконец дверь открывает испуганная Зоя, впускает в прихожую:

– Все как вчера было. К нам Артур приходил. Только он подошел к комнате, как за его спиной черный аспирант появился. Руки к нему тянул, мычал что-то или выл. Артур у нас часа полтора просидел, бледный весь трясся. Лиля его травками отпаивала. Если бы к мамочке возвращаться не нужно было, он остался бы и на ночь. Но потом Кеша заходил за солью, и Артур вместе с ним ушел.

Я глянул на правую дверь:

– А Лиля?

– Никак прийти в себя не может. Заперлась. Я боюсь, переживаю за нее. Она в последнее время сама не своя...

– Да, – вздохнул я, – Надо было мне пораньше прийти.

Зоя вздохнула:

– Не понимаю, почему он днем приходит. Если это Черный аспирант, то он же должен только по ночам появляться.

Я задумался:

– Но прошлый раз он тоже днем был...

Зоя подтвердила:

– Да, днем... И до этого еще так же было... Но мы думали, случайно.

Я снова посмотрел на правую дверь:

– Лиля его в прошлый раз не видела?

– Нет.

– И вы, Зоя, не видели?

– Нет. Только Артур.

– А сегодня?

– И сегодня тоже только Артур..., – Зоя поежилась. – Жуть какая. А рассказывать кому-то – вроде бы и несерьезно.

Я покачал головой:

– Все это серьезно, Зоя. Но не бойтесь. Я буду рядом и, по крайней мере, сегодня ночью вас никто не побеспокоит.

Она вздохнула:

– Хорошо бы...

– Спокойной ночи.

– Спокойной...

У входной двери снова стоял стул. И полный термос чая. И «История Московского университета»:

«В 1760 году на казенном коште в университете состояло студентов 30 и учеников гимназии 100... Некоторые из Профессоров частными уроками довольно скоро нажили себе состояние: так особенно Рост и Дильтей, который имел свой дом на Козьем болоте. Дильтей брал за частные уроки по 12 р. в год с ученика за каждый предмет. Эти занятия отвлекали его часто от публичных лекций; он справедливо подвергся нареканию от товарищей в нехождении на лекции и должен был выдержать процесс с Университетом. Рейхель не имел его средств. Он, до получения места Профессора, должен был жить учителем частного дома и терпел горькую нужду. Лекции ему назначены были после обеда, от 4-х до 6-ти часов. Все утро посвящал урокам в доме, где жил. По обычаю Русских бар поздно обедать, весьма часто на тощий желудок отправлялся он в Университет на лекцию; а зимою возвращаться после 6-ти часов домой, в ночной темноте, была новая для него неприятность! Профессор опасался сделаться жертвой множества собак, бегавших по улицам...»

Собаки – это неприятно...

«Иностранцы, в начале по необходимости призванные в Университет, живучи в Москве, все более и более применяются к духу и потребностям нашей жизни и, наконец, по большей части, уступают место Русским Профессорам, уже собственным воспитанникам Университета, довершившим свое образование за границею. Наука, до сих пор не знавшая иного языка кроме Латинского, в устах нового Русского поколения ученых открывает для себя народный орган – Русский язык...»

Латинский был не самым любимым у студентов, и медики в своих работах нередко „нечаянно“ делали ошибки – вместо *venenum* (яд) писали *venerum* (венерический).

В 1761 году Декабря 25, Московский Университет лишился своей Августейшей Основательницы, Императрицы Елизаветы Петровны. На

престол взошел император Петр III. Его беспорядочные, плохо продуманные действия во внешней и внутренней политике не нашли поддержки у русского общества. В результате переворота 28 июня 1762 императрицей была провозглашена Екатерина II. Позже она издала указ о ежегодных отчетах об успехах гимназистов и студентов. Куратор Адодуров, следуя тому указу, приказал провести первую в истории университета „общую сессию” – экзамены всех студентов по преподаваемым им предметам.

„Студенты и ученики Гимназии помещались в здании у Воскресенских ворот; сторонние приходили на уроки до обеда и после обеда. В 1763 году, в конце Октября, когда уже ночь наступала в пять часов, Конференция просила у Куратора согласия не продолжать уроков после обеда более часу, потому что ученики, приходившие в Университет, подвергались опасности быть или съеденными собаками, или ограбленными ворами”...»

Я подумал о том, что по сравнению с восемнадцатым веком ныне с собаками в Москве проблем стало намного меньше. А вот с грабителями никак ситуация не улучшается. Каждый день читаю сводки происшествий и ничего не меняется. Двести с лишним лет подряд криминальная обстановка практически одна и та же. Или по-другому и быть не может в большом городе? И сам себе возразил – может. Я, например, видел два Нью-Йорка: первый в начале 90-х годов двадцатого века, второй – пятнадцать лет спустя. Первый Нью-Йорк был грязный и даже днем пугающий недобрыми лицами обитателей местных улиц. Второй же заполнили веселые туристы. Они теперь даже среди ночи без какого-либо страха расхаживают по улицам многомиллионного города, который никогда не спит. Значит, можно вычистить город? Можно, если захотеть. А значит ли это, что кто-то у нас традиционно не хочет? Двести с лишним лет подряд...

Я почесал затылок и снова взялся за книжку:

«В 1766 г. университетская конференция постановила, чтобы профессора ежемесячно подавали рапорты о посещаемости студентами лекций. Непосещающие лекции студенты „должны были без промедления” вызываться для выговора.

В следующем году прибывшей в Москву Екатерине II был поднесен подписанный профессорами проект устава, под заглавием „Мнение об учреждении и содержании университета и гимназии в Москве”. В нем содержались новые положения, направленные на развитие университета. Во главе факультетов должны были стать деканы, которые бы ежегодно избирались из числа профессоров. В „Мнении” оговаривалось предоставление университету права производить „в академическое достоинство” и запрещение изымать из университета студентов до окончания ими срока обучения. По неясным причинам проект устава так и не был утвержден императрицей.

„Число студентов в иные годы не доходило и до сотни; иногда на всем юридическом, как и на всем медицинском, факультете оставалось по одному студенту и по одному профессору, который читал все науки своего факультета; студенты занимались в университете не более 100 дней в году; родной речи почти не слышно было с кафедр; люди хорошего общества еще побаивались пускать в университет своих сыновей...”

В начале 1768 г. „Московские новости” объявили, что „для лучшего распространения в России наук начались лекции во всех трех факультетах природными россиянами на русском языке”. На следующий год университетская конференция определила период обучения студентов на

юридическом факультете в три года, на медицинском – в четыре. Так, минимальный срок обучения в университете, включая подготовительный курс философского факультета, для студентов-юристов составил шесть, а для медиков – семь лет.

В 1771 г. по решению университетской Конференции был издан „Способ учения” – первое пособие по методике преподавания, подготовленное профессорами университета. Также были напечатаны „Правила поведения”, выдававшиеся каждому студенту при поступлении в университет. „Студенты ходили всегда, даже гуляя за городом, в мундирах зеленого цвета с красным воротником, обшлагами подбоям. Они носили шляпы и шпаги; последние вручались им на актах торжественно, при производстве их в Студенты. Разночинцам шпага давала благородство. Как Студенты, так и пансионеры, ходили напудренные. За проступки Студенты и Информаторы гимназии наказывались лишением шпаги. Кроме того, за дурное поведение сажали Студентов на хлеб и воду, одевали на три дня в крестьянское платье, лишали жалования на месяц... В Важных проступках, Студентов судили Профессоры, по назначению Конференции...

От студента, благородно понимающего свои обязанности и отношения к Университету, требовалось повиновения его законам и полного сознания достоинства того училища, которому он принадлежал. Студент обязан был во всей жизни своей избегать всего того, что могло бы оскорбить значение и повредить его благу и выгодам Университета. Истинное благочестие, неутомимое прилежание к наукам, поведение благородное, вменены были в обязанность; строго запрещены шумные сходки, пьянство и всякия игры, в карты и в кости. За обиду, Студенту нанесенную, он не должен был мстить, ни сам ни делом, ни словом, ни побуждать другого к отмщению, а искать удовлетворения законного, и вообще избегать всякой ссоры. Во время учения, не имел он права ни делать долгов, ни продавать своего имущества...

Класса или чина Университет не давал, но Студента, окончившего курс с аттестатом, начальники весьма охотно принимали на службу и определяли четырнадцатым классом, и потому молодые люди, по выходе из Университета, весьма скоро находили себе места...

Студенты, получая жалование из Университетского казначейства, сто рублей в год по третям, сами себя содержали. Обыкновенно всякий новый казеннокоштный Студент должен был год или два прожить в Университете, пока заслужит доверие начальства и получить от него позволение жить особенно на квартире, или на уроки, с получением жалования в руки.

Живущие в Университете, с помещением, прислугою и отоплением, получали также по-недельно свечи, а для стола своего составляли партии от 10 до 12-ти, складкою от 3 до 4 рублей в месяц, чего по тогдашним ценам и курсу на серебро, хотя и с нуждою, доставало. Складочные деньги поручали хозяйливому товарищу на распоряжение. Из того имели сторожа купчиною и прислужником, платили поварихе из живущих в нижнем этаже семей. По истечение месяца, недостаток переводили в следующий месяц. За столом советовались о заказах на завтра и новых потребностях. Посуду и скатерти заготавливали особою складкою, а столовой прибор и салфеты каждый содержал от себя. Таких столов было меж ними три, и свободно было всякому, по согласию в начале трети, переходить из одного стола в другой...

Недостаток жалования на одеяние, книги и прочие потребности пополнялся из дому, большей или меньшей руки, или собственными трудами. Рачительному Студенту, с своими достоинствами, всегда легко было, в роде отдыха и прогулки, иметь одно место, давать уроки по часам... Но другой, лучший способ доходов состоял в переводах книг на вольную продажу; а вошедшие в некую именитость были на то соглашаемы договором, и по великости труда разделяли его с одним или двумя товарищами, под общей политурою...

Гимназисты и Студенты казенного содержания помещались в длинных и обширных залах главного здания, именуемых камерами. Студентов было 50, Гимназистов втрое более. На половинах дворянской и разночинской камер было по восьми. В каждой помещалось по трем, внутренним стенам от 8 до 10 учеников, у четвертой наружной давались места трем или четверым Студентам. Один из них, благоденствующий и отличнейший по успехам, занимал первое место под образами, в переднем углу, и назывался камерным. Он смотрел за порядком, чистотою, тишиною, занятиями, за безотлучностью учеников и приходом сторонних лиц, и получал за это, кроме обыкновенных студенческих ста рублей, двадцать рублей серебром в год. Всякое утро камерный обязан был ходить с отчетом к Эфору поведения...

В камерах разночинской половины находилась и библиотека, которую заведовал старший из камерных Студентов той половины... Студенты сходились сюда для чтения и для беседы о прочитанном. Как они, так и ученики, могли брать книги под росписку; но уходя домой, обязаны были на время отлучки возвращать книги...

Студенты делили с учениками и важные занятия и игры свои. На Пасху, на двор Университета ставили двое или трои качели. С Фоминой недели, т. е. с весны, начинались вечерами военные экзерции. Студенты, наставляемые офицерами, делили учеников по желанию их на роты и учили ружейным приемам, выправке, маршировать и строю...

Зимою, особенно на святках, во время вакации, театр составлял общее удовольствие Студентов и Гимназистов. Домашний театр Университета имел полный запас кулис и гардероба, приобретенный или пожертвованиями знатных лиц, доброжелателей Университета, или складчиною участников в удовольствие. О святках или на масляную давали обыкновенно два, три представления, с своею музыкой. Женские роли исполнялись обыкновенно учениками...

Кроме театра, о святках и на масляницу бывали в столовой зале и смежной с нею камерах дворянской половины маскарады, куда съезжались с своими семействами Начальники, Профессоры, учителя, родственники Студентов и учеников. По воскресеньям и праздникам случались иногда вечерние танцы и концерты. Но бывало также, что ученики Гимназии, только не Студенты, принимали участие в кулачных боях на Неглинной или Никольской... Студент, получивший шпагу, должен был вести себя благородно и избегать подобных игр, которые исчезли перед силою образования и времени..."

В 1771 г в Москве свирепствовала чума, занесенная во время Турецкой войны из Румынии. Занятия в университете прекратились, и студенты были уволены с паспортами в деревни или другие города. Профессора университета работали врачами и являлись членами Медицинского совета по борьбе с

эпидемией чумы. Возобновились занятия в начале 1772 г. На должность ректора был приглашен магистр Лейпцигского университета Маттеи.

В 1775 г. профессора явили Сенату „представление” „О нуждах и недостатках Московского университета”. Кроме необходимости увеличения финансирования университета, в документе впервые высказывалось о целесообразности перевода университета из центра Москвы на Воробьевы горы.

В 1779 г. в должность экстраординарного профессора немецкого языка вступил И.Г.Шварц – философ, активный проводник масонских идей. Профессор читал у себя дома private лекции „О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном”. Философско-мистическое содержание курса вызвало недовольство светских и духовных властей. Через три года усилиями куратора и некоторых профессоров Шварц был вынужден оставить преподавание в университете и поселиться дома у своего последователя – крупнейшего издателя России Новикова. 17 февраля 1784 г. И.Г.Шварц скончался...»

Любопытно... Я оторвался от книги. Всего через двадцать лет после основания университета в нем наряду с наукой появляется мистика, масонство. Задумался и вздрогнул от непонятного шороха в комнате Зои. Или мне показалось? Прислушался. Наверное, показалось...

«В 1783 г. на кафедру всеобщей истории экстраординарным профессором назначен И.Виганд. Это был один из первых иностранных профессоров в университете, который читал лекции на русском языке и планировал начать преподавание русской истории.

После приобретения в 1784 г. императрицей Екатериной II для университета дома князя Барятинского на Моховой улице (соседнего с уже имеющимся там университетским владением) в центре Москвы начал возникать „университетский квартал”. В 1786 г. на пожалованные от имени императрицы университету 125 тыс. рублей началось строение первого в России здания, специально предназначенного для размещения в нем учебного заведения. Первый камень в основание будущего дома положил куратор Херасков. Им же была заложена медная доска с памятной надписью и монеты царствования Екатерины II.

В 1787 г. в Комиссии народных училищ подготовлен „План университета”, согласно которому планировалось открытие университетов в Екатеринославле, Пскове, Чернигове, Пензе... В качестве основы документа выступал „последний проект устава и штата Московского университета”. В российское университетское образование вводились такие важные принципы как всесословность, свобода преподавания.

В 1790 г. на лекциях по физиологии для экспериментального показа строения тела профессор медицинского факультета Керестури впервые использовал микроскоп.

5 апреля 1791 г. в левом крыле строящегося университетского здания на Моховой была освящена церковь во имя св. мученицы Татианы „в незабвенное воспоминание достойно чтимого дня, в который утвержден проект об Университете”.

В 1792 г. в Риге по делу масонов арестованы Невзоров и Колокольников, возвращавшиеся по окончании учебы из Германии в Россию. Невзоров, как член университетской корпорации, настаивал на праве давать показания

только в присутствии представителя университета, и начал отвечать на вопросы следствия лишь в доме куратора Шувалова. Только заступничество последнего перед Екатериной II за Московский университет спасло студентов-масонов от более суровых преследований...»

Опять эти масоны...

«23 августа 1793 г. окончательное завершение строительства нового здания университета на Моховой улице было ознаменовано торжественным актом, состоявшимся в его Большой аудитории, спроектированной архитектором М. Ф. Казаковым как „храм науки”.

31 января 1795 г. от преподавания в университете отстранен и выслан из Москвы профессор Мельманн, который „при изъяснении ученикам классических авторов вмешивал хулительные и оскорбительные мысли свои против христианской религии”. Профессор излагал в своих лекциях взгляды, основанные на философии Канта, с которой он первым познакомил московских ученых, и которую они не приняли.

15 ноября 1796 г. директором Московского университета назначен И.П.Тургенев – друг издателя Новикова, масон...»

И опять масоны. Двести лет назад наука шла рука об руку с этой сектой. Или организацией? Я задумался. Что о них знаю? Масоны, масоны, масоны... Они же «вольные каменщики». А вот почему «вольные», почему «каменщики», я не помнил. Что же их связывало с университетом? А, может, связывает до сих пор? Может, в этом все дело и я иду по следу масонского заговора? Продолжил чтение:

«5 апреля 1765 в Петербурге скончался Михаил Ломоносов. 6 ноября 1796 г. там же скончалась Екатерина II. 14 ноября 1797 г. – ушел из жизни основатель и первый куратор университета Шувалов. В 1796 г. на престол взошел император Павел I. Началась новая эпоха и в жизни страны, и в жизни университета. Последовали указы Павла о запрещении учиться за границей, об ограничении на ввоз книг. Университетская жизнь в кризисе. Павел I не проявляет к университету того интереса, что был у Елизаветы или Екатерины II. И значение университета, и уровень образования в нем стремительно падают.

В стране нет структуры начального и среднего образования, которая выпускала бы слушателей, подготовленных к восприятию университетских лекций. Взрослые россияне выгоду обучения, так что бы отправлять детей учиться, не ощущают. И сами молодые люди не особенно рвутся в студенты.

Постепенно в Москве исчезает поколение немецких профессоров: большая их часть не переступает рубеж 1812 г. Некоторые умирают, некоторые возвращаются на родину. Российские разночинцы идут в профессора часто, чтобы служить за жалование, как чиновники в других местах. Встает вопрос профессорского воспроизводства. Одни ученые должны успевать передавать свои знания другим, чтобы процесс образования шел дальше.

12 марта 1801 г. на престол взошел император Александр I, по указу которого было учреждено министерство народного просвещения. В его подчинение от Сената перешел Московский университет.

24 января 1803 г. были приняты „Предварительные правила народного просвещения”. Россия делилась на шесть учебных округов, во главе которых должны были встать университеты – как существующие, так и намеченные к основанию. Московский университет получил право руководить работой

всех школ и осуществлять цензуру книг в подведомственном учебном округе, избирать ректора и деканов, а также возводить в ученые степени кандидата, магистра и доктора наук. Должности директора и кураторов упразднились, посредником между университетом и министерством народного просвещения являлся попечитель учебного округа.

5 ноября 1804 г. император Александр I утвердил Устав Московского университета. Согласно нему в университете учреждалось четыре отделения (факультета), соединявшие вместе 28 кафедр. На всех членов университета распространялось право внутреннего суда. „Все, что Университет для употребления своего по учебным и художественным предметам выписывает из чужих краев, как то: инструменты, книги, машины всякого рода и всякая художественные вещи, дозволяется привозить беспрепятственно и беспошлинно, как морем, так и сухим путем, и во избежание какового-либо вреда пограничная Таможня не вскрывает ящиков, Университету адресованных, но приложив клейма, при сообщении пропускает далее с тем, чтобы оные в самом Университете в присутствии Магистратского Члена вскрыты и освидетельствованы были...

Иностранные Чиновники Университета могут выехать за границу без всякого с имущества их в казну взыскания. При въезде в Государство предоставляется право каждому из них в первый раз привезти с собою, или по приезде выписать, пожитков или вещей в собственность ценою до 5.000 рублей беспошлинно...

Ординарные Профессоры Университета состоят в 7 классе; Профессоры Экстраординарные, Адъюнкты и удостоенные Университетом Доктора в 8 классе, Магистры в 9, Студенты-Кандидаты в 12 классе. Студенты, по принятию в Университет имеют право носить шпагу, и отличившиеся успехами в науках и похвальным поведением при вступлении в службу получают чин 14 класса. Ректор состоит в 5 классе...

Всякой Профессор и Адъюнкт, беспорочно и усердно в звании своем 25 лет прослуживший, будет почтен именем заслуженного; нежелая пожелает оставить свое место, годовой его оклад обращается в пенсию по смерти из суммы Университетской, которою может пользоваться, жительствова где заблагорассудит, в Государстве или вне оногo... Вдовы Профессоров, Адъюнктов и Учителей и малолетние их дети имеют получать единовременно годовое жалованье умерших, или сверх того и пенсию... Когда вдова вступает в новый брак, то пенсию производить детям, которая прекращается, когда последнему из них исполнится 21 год, или когда и прежде 21 года, дочери выдут в замужество, а сыновья определены будут в службу..."

В июне 1805 г. профессор Страхов впервые в России произвел эксперимент, связанный с проверкой электропроводимости земли и воды. Электрический ток пропускался им с одного берега Москвы-реки на другой.

6 августа 1809 г. издан указ об обязательном государственном экзамене, который производился по университетской программе для производства в чин коллежского асессора и статского советника. Указ вызвал значительный приток в Московский университет студентов, а также чиновников, посещающих особые лекции для подготовки к экзамену.

16 сентября того же года вышел указ Александра I об избрании ректора в Московском университете на три года. Через три месяца император, первым из царствующих в России особ, посетил Московский университет. В

сопровождении попечителя графа Разумовского осмотрел университетскую церковь, музей и Большую аудиторию.

21 апреля 1811 г. вышел указ об отсылке на военную службу казеннокоштных студентов за „развратное поведение“. Университетские власти получили возможность жестко подавлять ростки студенческого движения. В году том в Московском университете обучалось 220 студентов и 90 слушателей...»

Из комнаты Зои донеслись какие-то звуки. Точно. Значит, мне и в прошлый раз не показалось.

Я подошел к Зоинной двери, прислушался. Тихо. Но вот опять шорох. Я тихонько постучал. Снова шорох. Дверь приоткрылась, шепот из темноты:

– Я не сплю.

Я тоже шепчу:

– Ничего не случилось?

– Все в порядке. Но не спится. Бывает.

– Бывает.

Интересно, подумал я, если все представить наоборот. У меня под дверью сидит прелестная полужнакомка. Уснул бы я?

Предложил:

– Если не спится и нужна компания, то выходите ко мне, я вас чаем угощу.

Дверь распахнулась:

– У меня уютнее. Заходите.

Я шагнул и остановился. Свет из прихожей освещал только кусочек пола перед дверью. Дальше в темноту я шагать боялся, помнил, что комната очень узкая, заполнена кроватью, столом, шкафом, стулом. И где сейчас стоит этот стул? Наткнусь на него и загромыхаю, разбужу и Лилу, и соседей из других комнат.

Зоя взяла меня за руку:

– Сюда... А теперь садитесь.

Я послушно опустился. На стул. Глаза стали привыкать к темноте. Вот уже вижу окно, за которым, должно быть, разыгралась вьюга. На фоне серого пятна силуэт Зои. Она шепчет:

– Сижу без света. Лампочка перегорела. На днях – верхняя. А сегодня вечером и в свитильнике вот.

Я тут же предложил:

– Так давайте поменяю.

Зоя вздохнула:

– Я бы и сама справилась. Но забыла новую купить.

Я не сдавался:

– А давайте я из прихожей сюда переставлю.

– И будете сидеть потом там в темноте.

Это меня не пугало:

– Для засады – так даже удобнее.

– А читать не сможете.

Тут я согласился:

– Не смогу...

– Сейчас будет свет, – сказала Зоя и чиркнула спичкой, зажгла свечу. – Это из арсенала девичьих гаданий. Раньше с Лилей иногда баловались... Но вот и пригодилась...

Зоя осторожно перенесла свечу на стол. Поставила в блюдце. Теперь в комнате можно было разглядеть и кровать, и стол, и шкаф с книгами. И Зою в длинном свитере, наброшенном, видимо, на голое тело.

Я встал:

– Сейчас принесу термос.

Зоя кивнула:

– А я достану чашки и еще что-нибудь. Будем пить чай, раз не спится. Завтра утром мне спешить все равно некуда...

Вернувшись в прихожую, выглянул наружу – никого, все студенты спят непробудным сном. На всякий случай закрыл внешнюю дверь на ключ.

Зоя сидела на кровати рядом со столом. У свечи стояли две чашки, на тарелочке лежало печенье, шоколадка.

Мы пили чай и молчали. Слушали, как завывает за окном вьюжная ночь. От ветра вздрогнули окно и Зоя:

– Такой сильный ветер.

– Февраль...

Мы снова замолчали. У меня из головы все не выходили масоны:

– Зоя, большое спасибо за книгу, действительно очень интересно, только...

– Только...

– Только мне там кое-чего не хватает.

– Кое-чего?

– Нет ли у вас еще и какой-нибудь книги по масонству?

Зоя явно удивилась:

– По масонству?

– Да, – подтвердил я. – Оказывается, о них почти ничего не знаю, а хотелось бы...

Она улыбнулась, бросила взгляд на книжные полки в шкафу:

– Нет, как-то специально по масонству книги у меня нет. Но у нас не так давно были интересные лекции на эту тему, так что могу довольно много об этом рассказать.

Мне не терпелось:

– Когда?

Зоя пожала плечами:

– Да хоть сейчас. Все равно ведь не спится. А что именно интересует?

Что именно? Этого я и сам не знал:

– Да все, наверное. Суть, история, современная ситуация, если, конечно, сегодня масоны существуют.

– Существуют... – сказала Зоя. – Масоны... На английском масонство – это Free Masonry, – какой у нее теплый и уютный голос, – или свободные, вольные каменщики... Назвали они себя так в связи с легендой о Хираме. Был такой мастер-каменщик, которого древний царь Соломон нанял для строительства храма. Так вот, царь всех работников разделил на три разряда. У каждого разряда были свои тайные знаки и слова, по которым Соломон вручал им соответствующую плату. Однажды несколько работников низшего разряда задумали узнать знаки и слова высших. Они подстерегли Хирама и, угрожая смертью, потребовали раскрыть тайну. Тот отказался и был убит.

Я был весь во внимании. Строительство храма... А ведь университет – это тоже храм, храм науки. И преступление было совершено...

– Значит, Хирама убили?

– Да, – подтвердила Зоя. – И именно его последователями считают себя «Вольные каменщики». Масонские ложи – это как бы прообраз объединений средневековых зодчих, которые владели секретами возведения готических соборов и замков. В представлениях масонов Бог – это «Великий архитектор Вселенной», а сами они – его скромные каменщики. Свое профессиональное мастерство «братья» используют, чтобы творить полезные для человечества дела. Для этого они оказывают влияние на властные структуры, проникают в них.

Я засомневался:

– И их так просто пускают в органы власти?

– Нет, все не так просто, – продолжала Зоя. – «Вольные каменщики» – это секретная организация. В нее берут не всех. В том числе и женщинам вход заказан. Раньше еще евреев не брали... Кандидат в «вольные каменщики» должен получить рекомендации от нескольких «братьев». Ритуал посвящения повторяет эпизоды легенды о строителе Хираме. Будущего масона вводят в залу с завязанными глазами, обнаженными грудью и коленом. Он проходит через символические странствования и очищение водой и огнем. Кандидату наносят символические удары, которые изображают раны Хирама. Будущий масон проходит так называемые «опросы под повязкой». Ему закрывают глаза и спрашивают о мотивах вступления в масонскую ложу. Голосуют черными и белыми шарами. Если наберется 3 черных шара, то «братство» отвергает кандидата.

Интересно, подумал я про себя, уж не имеют ли отношения к посвящению в масоны все эти взрывы и пожары в университете. И тут снова прислушался к голосу Зои:

– По окончании странствований с глаз будущего масона снимают повязку. Он дает клятву на верность братству, получает масонское имя и занимает место на скамьях учеников. В конце церемонии новому члену организации вручают знаки масонского достоинства. – Зоя взяла листок, ручку, нарисовала. – Символы масонов очень просты – угольник и циркуль, фартук и лопатка, камень, «Всевидящее Око Божье»...

– И что они значат?

– Часть таких символов, такие как угольник или лопатка и так далее, относится к строительству. Камень... он символизирует душу человека. У масонов «обтесывать свой камень» означает самосовершенствоваться.

Я тут же подумал: взрывы и пожары с обтесыванием имеют мало общего. И продолжил слушать Зою:

– Есть и другие символы. Они, кстати, могут истолковываться по-разному. На каждой новой ступени посвящения члену братства открывается новый смысл символа, более высокий. Так, лучезарный треугольник или «Всевидящее Око Божье» для ученика – это символ познания триединства всего сущего, внимания («имеющий глаза да увидит»). Для следующего на ступеньке старшинства – это символ «третьего глаза», невидимого света. Для мастера же – это солнце, великая истина космоса, Бог Непознаваемый... Многие масонские символы и сегодня живут вокруг нас. Только мы – непосвященные – не замечаем их.

– Например? – полюбопытствовал я.

– Например, – Зоя снова начала рисовать, – на банкноте в 1 американский доллар легко увидеть изображение масонских символов: пирамиду с «Всевидящим Оком Божиим», щит Давида...

– А почему на деньгах?

– Может быть потому, что все американские президенты, изображенные на долларовых банкнотах, были масонами. Но тайные символы есть и в нашей современной отечественной культуре. В Москве их можно найти на некоторых зданиях, которые построил в 18 веке архитектор масон Василий Баженов. Например, в усадьбе «Царицыно» есть, еще на особняке князя Гагарина в Гагаринском переулке. Да, эти символы даже у нас в МГУ имеются.

Я не поверил своим ушам:

– Серьезно?

– Вполне. Их легко увидеть на старом здании МГУ на Моховой.

– Надо посмотреть как-нибудь...

Да, это, действительно, интересно. Надо обязательно найти и посмотреть. Масонские знаки в современном университете. Где есть старые следы, там могут быть и...

А Зоя продолжала своим тихим уютным голосом:

– Кроме символов у масонов есть слова и условные знаки, по которым они узнают друг друга. Братья не должны разглашать их. Например, если масоны обнаружат в своем кругу чужака, то предупреждают друг друга: «Дождь идет». Все братья должны хранить тайны, как хранил их когда-то строитель Хирам.

– А что будет, если какой-нибудь братан расколется?

Зоя покачала головой:

– Это будет не очень хорошо... Есть версия, что Моцарт был отравлен не просто так. Вроде бы был великий композитор членом масонской ложи и в своей опере «Волшебная флейта» раскрыл тайны братства. За это как бы и пострадал. Ложа его не простила...

Я тут же вспомнил, что в университете при пожаре погибло два человека. А еще, судя по криминальным сводкам, были убийства и самоубийство. И все объединяет фактор времени, последних нескольких лет...

Сказал Зое:

– Судя по книге, которую читаю, масонские ложи появились очень давно...

Она подтвердила:

– Да, первая масонская организация «Великая ложа», возникла в Лондоне еще в 1717 году. Оттуда масонство разошлось по всему миру. В самых разных странах 24 июня отмечают день создания «Великой ложи», как главный масонский праздник.

– 24 июня?

– 24 июня...

Я запомнил дату, надо будет над ней потом еще поразмыслить. Сейчас же спросил, думая о студентах и профессорах университета:

– Первыми масонами были интеллигенты?

– Нет. Сначала ложи объединяли ремесленников. А вот потом туда стали вступать интеллигенция, коммерсанты, знать. Всех их привлекали стремление помогать друг другу, свобода в «братском» общении, разумное устройство братства.

Я повторил про себя: «разумное устройство...» История знает немало примеров, когда тайные общества во имя «разумного устройства» своей ли организации, всего ли общества, но шли на преступления. И еще об одном я подумал:

– Значит, масоны, как и высшее образование, пришли к нам с Запада...

– Да, – кивнула Зоя. – Еще в первой половине 18 века некий капитан Джон Филипс из Англии был назначен Великим Мастером «для всей России». Сначала в ложе состояли англичане, живущие в то время у нас. Потом в «вольные каменщики» стали принимать и русских. Считается, что масонами были Карамзин, Ключевский, Суворов, Кутузов, Пушкин, Грибоедов... В царской России масонство было первой свободной общественной организацией. Братство привлекало многих выдающихся людей, которые хотели переменить жизнь в Отечестве к лучшему. В организацию входили также и люди, которые были привлечены мистикой, надеждой постичь древние тайные премудрости. Часть будущих членов, прослышав о братской солидарности масонов, рассчитывала таким образом сделать карьеру. Часть вступала в масоны просто так, от скуки...

«Со скуки на все руки» – подумалось мне.

– И что они делали, чем занимались?

– Профессор Шварц, например, излагал студентам Московского Университета основы учения Вольных Каменщиков. Он учил, что средством к постижению истины должны служить разум (наука), чувство (литература и искусство) и откровение (религия). Его последователь Новиков начал издавать морально-нравственную литературу. И это в то время, когда основным спросом у отечественного читателя пользовался французский развлекательный роман. Московские масоны вели большую просветительскую и филантропическую работу. Они следовали основному принципу учения Вольных Каменщиков о самопознании, самовоспитании и

самосовершенствовании. На средства московских масонов были открыты общественные библиотека, больница, аптека...

– Прямо-таки «агнецы божие»... – усмехнулся я.

– Император Александр I так, видимо, не считал, – усмехнулась и Зоя. – Он поначалу увлекся было масонством, подражая, очевидно, Наполеону Бонапарту, который возвел масонство во Франции в орган государственного управления. Но потом, наверное, вспомнил о судьбе Павла I, которого масоны свергли с престола, как не оправдавшего их надежд. Так или иначе, но в 1822 году Александр I ложу запретил, и масонство в России пошло потихоньку на убыль. После 1917 года процесс демасонизации ускорился. Последняя ложа в стране была «ликвидирована» в 36-м...

Это прозвучало для меня несколько разочаровывающе – только что родившаяся версия начинала умирать. Спросил:

– А что, большевики боялись масонов?

Зоя согласно кивнула:

– Они, как и цари, как и германские нацисты, боялись любых неподконтрольных организаций, расправлялись с ними.

Мне не терпелось:

– И что было дальше?

– 20 век стал для масонов весьма неприятным. После второй мировой войны они в какой-то мере восстановили свои организации, но интерес к братству оказался незначительным. Масоны стареют. Они вынуждены быть не такими уж тайными. Сегодня во многих странах есть официальные офисы масонских лож. В некоторые даже организуются экскурсии, чтобы привлечь новых членов. Масоны проводят обычные для всех других организаций рекламные кампании. Но все это мало помогает – количество масонов падает. В целом в США их около 2 миллионов, на родине в Великобритании – около 300 тысяч.

Меня, конечно, интересовало то, что поближе к университету:

– А в России?

– В России – около 400 масонов...

Да, я был откровенно разочарован:

– В России всего 400 масонов?

Зоя развела руками:

– Что-то около того. Никто точно не знает.

– И чем они занимаются?

– Современные масоны занимаются не только благотворительной, филантропической деятельностью, но и стремятся участвовать в обустройстве демократии в неразвитых странах. Как и раньше, свое профессиональное мастерство они используют для влияния на властные структуры, для проникновения в них. Поскольку это закрытые организации, то под их «крышей» нередко работают спецслужбы и обыкновенные аферисты.

После уничтожения отечественного масонства в начале 20 века, оно несколько возродилось в 90-х годах. Но в нем уже практически нет политиков, чиновников высокого ранга, известных бизнесменов. Да, масоны помогают друг другу в карьерном росте, но в современной России больше ценятся аппаратные связи «в верхах». Деловым людям некогда заниматься мистическими собраниями, они и так слишком заняты. И у современных студентов также есть занятия поинтереснее – интернет, ролевые игры, ночные клубы. К тому же и элементарной моды на масонство сегодня просто нет.

Современное отечественное масонство состоит в основном из интеллигенции. Есть преподаватели, мелкие предприниматели. Также к масонству приходят отставные офицеры, испытывающие, видимо, дефицит общения. Основное занятие нынешних российских «вольных

каменщиков» – работа над сочинениями на этические, философские и исторические темы. Отечественное братство крайне слабо в материальном отношении и едва может содержать себя.

Все это звучало для меня очень, очень разочаровывающее. Но разочарование, конечно, не захватило меня полностью. Это нормально, когда версии умирают. Все они не могут быть подтверждены. Хотя и от этой масонской пока еще рано отказываться...

Зоя так интересно рассказывала, что я не мог не покачать восторженно головой:

– Просто заслушался. А ведь никогда не любил историю.

Зоя улыбнулась:

– У тебя просто не было хорошего учителя. А к нам на лекции даже из других вузов приезжают. Все-таки Московский университет...

Вот так под масонов мы и перешли «на ты». Просидели несколько минут в тишине. Зоя, наверное, устала рассказывать. Я – переваривал услышанное.

Зоя внезапно зевнула:

– Ой...

Я тут же подскочил:

– Извини. Спасибо. Я пойду. Ложись спать...

– Да, пожалуй. Бессонница кажется, прошла...

Я вышел в прихожую. Сел на стул и достал из сумки список происшествий в МГУ. Нужно было сверить его. Не было ли 24 июня – в день основания масонства – какого-либо происшествия. Конечно, даже если что-то и было, это еще ничего не доказывает, но все-таки, все-таки...

Смотрю на список:

- 05.03.05 – убийство профессора МГУ
- 21.04.06 – большой пожар с гибелью людей в ГЗ МГУ
- 17.05.06 – убийство студентки МГУ
- 07.10.06 – парашютисты в ГЗ МГУ
- 25.10.06 – убийство студента МГУ
- 25.11.06 – взрыв, пожар 5 кв.м. в ГЗ МГУ
- 18.12.06 – самоубийство научного сотрудника МГУ
- 14.01.07 – взрыв в общежитии МГУ на Шверника
- 26.01.07 – взрыв в ГЗ МГУ
- 15.02.07 – убийство аспирантки МГУ рядом с ГЗ

Нет, 24 июня в МГУ ничего из моего списка не случилось. И судя по всему, что я узнал сегодня, масоны здесь явно были не при делах...

Охота продолжается

Я снова приоткрыл внешнюю дверь в коридор – как и раньше никого. До утра еще несколько часов. Немного подумал о Хираме и его храме, о масонских символах и Зое. В длинном свитере, наброшенном, видимо, на голое тело. На красивое тело. Вдохнул и снова взялся за книгу.

Я читал, почти не отвлекаясь на неясные звуки за стенами, в коридоре, на тихое завывание в вентиляции. Почему-то был уверен, что второй раз сегодня черный аспирант не придет, что все будет, как в предыдущий день. Он был вечером, а ночью не появился. И сегодня все повторится. Черный аспирант уже приходил, а значит, кто и может объявиться, так это Кеша с кастрюлей – повеселит своим бледным присутствием. Но время шло, а Кеша все не было. Или заранее суп сварил. Или спит всю эту выжухую ночь Кеша начитавшись, натрескавшись пищи духовной. Похрапывает себе, переваривая.

«12 июня 1812 г. войска Наполеона переправились через реку Неман и вторглись в Россию. Студенты Московского университета начали записываться в народное ополчение, поступать на работу в полковые госпитали. Университет эвакуировался в Нижний Новгород. Из-за недостатка подвод в Москве пришлось оставить большую часть коллекций, имущества профессоров, библиотеку из 20 000 книг, университетский архив и даже часть казны, которые погибли во время сентябрьского пожара. При оставлении Москвы Наполеоном пострадали от взрывов, устроенных французами для уничтожения Кремля, и остатки университетских зданий.

В 1813 г. обозы с университетскими вещами и книгами, а также учениками, студентами, семьями профессоров возвращаются, и с 17 августа в наемном доме в Долгоруковском переулке занятия возобновлены.

Ввиду недостаточности содержания, получаемого в одном месте, профессорам и преподавателям разрешено в 1817 г. совмещать преподавание в других учебных заведениях. В этом же году начато восстановление здания Московского университета (главный архитектор Д. И. Жилярди). В мае попечитель Оболенский утверждает положение о вступительных экзаменах в университет. Согласно ему, производили „в студенты тех токмо, которые знают Арифметику, главные основания Всеобщей и Отечественной Истории, логики и риторики и правила российского и латинского языка, вменя хотя не в обязанность, но в похвалу и одобрение знание иностранных языков”.

В 1819 г. утверждено „Положение о производстве в ученые степени” – первый в истории России устав, регулирующий процесс научной аттестации. Согласно этому документу определялись ученые степени, требования, предъявляемые к соискателям, правила сдачи экзаменов и защиты диссертаций. Организована кафедра „Богопознания и Христианского учения”, посещение лекций которой было объявлено для всех студентов обязательным. Через два года в университете прекращено преподавание философии. Труды профессора Давыдова в министерстве духовных дел и народного просвещения нашли „пропитанными богопротивным учением Шеллинга”.

В 1823 году Совет университета издал постановление, согласно которому студенты должны были слушать не менее восьми профессоров. Это возмутило студентов, которые хотели даже не подчиниться постановлению. Часть из

них оставила университет в знак несогласия с чрезмерной, по их мнению, нагрузкой.

14 декабря 1825 на престол восходит Николай I. В восстании „декабристов” против нового императора принимают участие несколько десятков университетских питомцев.

В 1826 г. попечителем Писаревым представлены новые принципы университетского устава. В них доказывается преимущество единоличного управления университетом над коллегиальным, необходимость полицейского надзора. Впервые напрямую поставлен вопрос о благонамеренности как самих профессоров, так и преподаваемых ими дисциплин. В Московский университет направлен флигель-адъютант императора Николая I граф Строганов, которому было велено обратить внимание на „вредный образ мыслей”, господствующий между студентами. Граф посетил вступительную лекцию „О возможности философии как науки” Давыдова, который после пятилетнего ожидания был, наконец, зачислен по распоряжению попечителя на кафедру философии. Лекцию Строганов нашел „вредной”, потребовал уничтожения всех ее печатных экземпляров и запрещения преподавания философии в университете, которое возобновится только в 1845 г.

21 июля 1826 г. в Москву прибывает Николай I. Ему представлена записка агента III Отделения Бибикова „О Московском университете”. Императору доносилось, что „профессоры знакомят юношей с пагубной философией нынешнего века и дают полную свободу их пылким страстям”¹. В пример приводились отрывки из поэмы студента Александра Полежаева „Сашка”, „наполненной развратными картинами и самыми пагубными для юношества мыслями”.

Позже Михаил Лермонтов напишет:

„Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Где цвел наш бурный Полежаев
Назло властям...”

Александр Полежаев среди студентов славился как дебошир и гуляка, но при этом он хорошо учился и готовился к преподавательской деятельности. Полежаев был автором многих стихов, в том числе и оды „В память благотворений Александра I Императорскому Московскому университету”, написанной по поручению университетского начальства к торжественному акту 12 января 1826 года. Но сатирическая поэма „Сашка”, в которой изображались студенческие похождения и попойки, испортила всю его жизнь. Поэма ходила по рукам в списках:

„Не для славы —
Для забавы
Я пишу!
Одобренья
И сужденья
Не прошу!
Пусть кто хочет,
Тот хохочет,

Я и рад.
А развратен,
Неприятен —
Пусть бранят.
Кто ж иное
Здесь за злое
Хочет принимать,
Кто разносит
И доносит
Тот и блядь!..
...
Вот те, которые в борделе,
Как мы, ночь в пьянстве провели,
Покинув смятые постели,
Домой в пуху и пятнах шли.
Прощайте ж, милые красотки!
Теперь нам нечего зевать!
Итак, допив остаток водки,
Пошли домой мы с Сашкой спать.
Ах, много, много мы шалили!
Быть может, пошалим опять;
И много, много старой были
Друзьям придется рассказать
Во славу университета...”

В целом достаточно невинная поэма содержала строки, из-за которых делу был дан ход:

„О родины прямых студентов —
Геттинген, Вильна и Оксфорд!
У вас не может брать патентов
Дурак, алтынник или скот.
Звонарь не может колокольный
У вас на лекции сидеть,
Вертеться в шляпе треугольной
И шпагу при бедре иметь.

У вас не вздумает мальчишка
Шипеть, надувшись: «Я студент!»
Вы судите: пусть он князишка,
Но в нем ума ни капли нет!
У вас студент есть муж почтенный,
А не мальчишка, не сопляк,
Не полужнайка просвещенный,
И не с червонцами дурак!
У вас таланты в уваженье,
А не поклоны в трех верстах.
У вас заслугам награжденье,
А не приветствиям в сенях!

Не ректор духом вашим правит —
Природный ум вам кажется путь,
И он вам чин и честь доставит,
А не «нельзя ли как-нибудь!»
А ты, козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цепями,
Отчизна глупая моя!
Когда тебе настанет время
Очнуться в дикости своей?
Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей?...»

Граф Бенкендорф препроводил крамольную рукопись государю.

Александр Полежаев не входил в тайные общества и не был лично связан с декабристами. Однако поэт был вызван к государю вместе с ректором университета и министром просвещения. Полежаева „взяли утром, в чем он был, и отвезли к государю в грязном сюртуке, с двумя пуговицами и в пуху”. Николай I подал ему тетрадь с поэмой „Сашка” и велел читать вслух. Император слушал внимательно, а по окончании чтения воскликнул: „Я положу предел этому разврату! Это все еще следы, последние остатки; я их искореню!” Получив же от министра просвещения отзыв, что Полежаев „поведения превосходнейшего”, Николай I неожиданно спросил: „Хочешь в военную службу? Даю тебе военной службой средство очиститься”. Потом царь положил руку ему на плечо и поцеловал в лоб.

По личному распоряжению Николая I А.И.Полежаев был отдан в солдаты. В „1838 года января 16 дня Тарутинского егерского полка прапорщик Александр Полежаев от чахотки умер и священником Петром Магницким на Семеновском кладбище погребен”. Могила поэта, на которой не было установлено памятника, затеряна среди многих других безымянных могил...»

Я оторвался от книги. Задумался. Университет, рожденный царем для укрепления его могущества, стал взрослеть и угрожать своему же родителю. А тот уже не может все вернуть вспять и закрыть рассадник вольнодумства – государству нужны достижения науки. И оставить все, как есть, тоже нельзя, во имя самосохранения режима приходится бороться с «брожением умов». Парадокс: история университета – это противостояние власти, его создавшей и кормящей, во благо государству, управляемому этой властью...

«7 сентября 1826 года выходит указ Николая I об обязательном ношении студентами Московского университета мундира установленного образца. Еще через двадцать дней император посещает университет и высказывает желание „видеть в воспитанниках Московского университета прямо Русских”. В октябре попечитель Писарев предписывает Совету университета „отбирать у студентов предосудительные стихотворения и запрещенные книги и воспрещать им иметь что-либо подобное, кроме учебных книг, избранных начальством”.

В 1827 г арестованы и исключены из университета несколько студентов – участников кружка Критских, желавших „преобразовать Россию” путем „учреждения конституции”. По указанию Николая I установлен надзор

городской полиции за студентами, живущими вне университета. Через год на отделение физико-математических наук поступили вольнодумцы Герцен и Огарев. Их любимое место в столице – Воробьевы горы. На них дали они свою клятву: „Взбежали на место закладки Витебергова храма на Воробьевых горах.

Запыхавшись и покрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу...”

Сначала студенты восторгаются своей университетской жизнью: „Всего казенных студентов 150 человек. В каждом номере находится от восьми до 12 студентов. У каждого студента своя кровать, свой стол и своя табуретка. Кровати все железные... Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыня, желтое байковое одеяло, к которому пришита другая простыня, и полосатый чехол составляют постель. Наволоки, простыни и одеяла всегда бывают белы, как снег, и переменяются еженедельно... Чистота и опрятность необыкновенные. Для каждого номера определен солдат, который метет пол, прибирает постели и прислуживает студентам. По уставу вставать должно в 6 часов, Впрочем, спать можно и до 8 с половиною. В семь часов бывает завтрак, который состоит из булки и стакана молока... Стол по будням состоит из трех блюд: горячего, холодного и каши... Увидя столы, накрытые снеговыми скатертями, на которых поставлены миски, блюда, карафины с квасом, приборы в величайшем порядке, можно подумать, что это приготовлен обед для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подоб ного...”

Но студентов становится больше. Их быт меняется: „Бывало, в номере жило не более как по десяти, или много-много по одиннадцати, а теперь по пятнадцати, семнадцати и девятнадцати... Столики стоят в таком близком одни от другого расстоянии, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столе своего соседа, а не только видеть, чем он занимается. Теснота, толкотня, шум, крик, споры... Извольте тут заниматься! Сидя пять часов сряду на лекциях, должно и остальное время вертеться на стуле... Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть...”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.